

Первая жизнь, вторая жизнь

Автор:

Ольга Володарская

Первая жизнь, вторая жизнь

Ольга Геннадьевна Володарская

Никаких запретных тем. Остросюжетная проза О. Володарской

Лена с детства слышала деревенские легенды о призраках в разрушенной княжеской усадьбе. Они не давали покоя ее обитателям, но, даже когда усадьба опустела и обветшала, привидения ее не покинули. Все сторонились проклятого места, а Лена видела в нем красоту и мечтала о восстановлении усадьбы. Познакомившись с богатым мужчиной, она пустила в ход все свои чары, чтобы вдохновить его на это...

И ей удалось! Сын столичного олигарха согласился вложить миллионы в реконструкцию. Он привез с собой архитектора и двух чудаков, называвших себя охотниками за привидениями. Все они остались в усадьбе на ночь – кто смеха ради, кто в надежде увидеть призраков. А когда проснулись, оказалось, что один из них мертв...

Ольга Володарская

Первая жизнь, вторая жизнь

От автора

Уважаемый читатель, приветствую тебя (будем на «ты»?). Спасибо за то, что погружаешься в мир, придуманный мной. Тот, кто уже знаком с моим творчеством, понял, как я люблю истории, в которых переплетаются прошлое и настоящее. И свое неравнодушие к старинным постройкам я тоже не скрываю. В каждом населенном пункте – не важно, в Лиссабоне, Праге, Берлине, родном Нижнем Новгороде или крохотном Володарске, где прошли мое детство и юность, – я нахожу здание, в которое влюбляюсь. Я брожу рядом, сижу на его ступенях, заглядываю в окна, если есть возможность, попадаю внутрь. И все время фантазирую, представляя тех, кто жил в нем когда-то. В этой книге я возвращаюсь к любимой теме.

Но есть еще одна. Я скептик и атеист. Не верю в экстрасенсов, гадалок, колдунов... Порчу, сглаз и приворот. Но фантазировать на эту тему мне нравится. Поэтому в данном романе будет и мистика...

И немного расследования. Мои романы – это не классические детективы. Скорее насыщенные событиями истории, в которых происходит что-то из ряда вон – как правило, убийства. Ольге Володарской интересны судьбы людей, и не сами преступления, а обстоятельства, к ним приведшие.

Прошу не ставить штампов, а просто погружаться в рожденную моим воображением историю.

Часть первая

Глава 1

Они были давно знакомы, тесно общались, но не дружили...

Дружили их отцы. А Виталя Пименов и Сема Ткачев были вынуждены контактировать друг с другом на семейных праздниках и в поездках на курорты. Еще общаться на переменах, поскольку учились в одной школе. У отцов ребят был общий, весьма крупный и процветающий бизнес, и мужчинам хотелось, чтоб

их жены и дети подружились. Мамы ребят быстро поладили, а Виталя с Семой плохо находили друг с другом общий язык.

Они были очень разными. Первый – типичный отпрыск нового русского, избалованный, капризный, высокомерный, изводящий преподавателей и прислугу. Второй скромный, увлеченный чтением и рисованием.

Семен стеснялся того, что его возит в школу шофер, и просил высаживать его на автобусной остановке. Тогда как Виталя подкатывал к крыльцу под громкую музыку, что по его требованию врубал водитель. Учились они в разных классах: Семен был на год младше, и когда пошел в первый, Виталя уже перешагнул во второй. Но получать высшее образование отправились в один год. Ткачев сразу после того, как получил среднее образование, а Пименов решил сделать годовой перерыв в учебе. Отец позволил ему это из-за Семы. Он хотел, чтобы тот вместе с его сыном отправился в Лондон, где юношам и девушкам их круга надлежало получать высшее образование (тогда это был такой тренд).

Сема с детства мечтал стать архитектором. Но, зная, как туго ему даются математика и физика, необходимые для освоения этой профессии, готов был заняться дизайном интерьеров или декором. Виталя в девятнадцать так и не определился с выбором, поэтому за него это сделал папа и отправил того учиться на финансиста.

Ребятам сняли одну квартиру на двоих, по меркам Лондона довольно большую, трехкомнатную. По спальне на каждого парня, плюс гостиная. Сема пытался протестовать, изъявлял желание поселиться в общежитии, но его не послушали.

Под одной крышей с Виталей Ткачев выдержал полгода. Тот вечно водил к себе друзей, они устраивали шумные вечеринки, а поутру невозможно было попасть в ванную, потому что там засела очередная случайная любовница соседа. Семен съехал. Поселился у друзей в халупе на восемь человек. А на следующий год обосновался в общежитии. О том, что Виталя бросил университет, узнал от отца, так как перестал общаться с навязанным родителем «другом». А вскоре старшие Пименов и Ткачев разорвали отношения. И деловые, и дружеские.

Отец Виталя кинул партнера, тот набил ему морду и чуть в тюрьму не загремел.

У Ткачевых наступили тяжелые времена. Папа получил условную судимость, лишился бизнеса, на нем повисли долги, и мужчина вынужден был продать дом, две машины. Он с нуля начал новое дело, уже без партнеров.

Семен хотел бросить университет и вернуться домой, чтобы ему в этом помогать, но его уговорили остаться и закончить обучение. Благо оно было оплачено полностью, а за общежитие парень отдавал из собственных денег – вместе с друзьями они занимались дизайном веб-сайтов. У отца все более-менее наладилось уже через три года. Когда Сема вернулся в Россию, его родители и младшая сестренка уже не бедствовали. От Семиной бабушки, у которой вынуждены были поселиться, переехали в отдельную квартиру, пусть всего лишь двухкомнатную и в спальном районе. Соседи считали их не просто благополучными, а обеспеченными.

Знали бы они, как жили Ткачевы еще пять лет назад! А каким черноволосым красавцем был глава семьи! Высокий, косая сажень в плечах и небольшой, уютный животик, от которого млела мама. Но переживания последних лет не прошли даром. Ткачев старший поседел, похудел, осунулся. А в сорок два умер от обширного инфаркта. Фирма досталась Семену. Не архитектурная, даже не строительная.

Ткачев занимался канцтоварами. Имел четыре магазина и склад. Ручки, степлеры, бумага и прочая дребедень пользовались неизменным спросом у учащихся и офисных работников, что позволяло фирме всегда быть в плюсе. Сема принял на себя управление ею. Когда вник, понял, как можно расшириться и выйти на новый уровень. Он ввел продажу через интернет (тогда это еще было в новинку), бесплатные образцы товаров, доставку прямиком со склада. Сема всего себя отдавал делу отца, забыв о своем, любимом. Теперь он глава семьи и обязан заботиться о матери и сестре.

Выдохнул только в тридцать. Но оказалось, что он многое забыл, чему его учили в Англии, а еще упустил новое, современное, модное. И опять взялся за учебу. На сей раз образование получал на родине. Маме с сестрой купил дом – они хотели именно его. Себе квартиру-студию на последнем этаже высотной новостройки, где только пил по утрам кофе и ночевал. Архитектурно-дизайнерское бюро, открытое Ткачевым, быстро стало популярным у среднего класса. Семен был доволен, но не счастлив. Проектировать коттеджи, перепланировать квартиры, вдыхать новую жизнь в старые, потерявшие вид вещи – это прекрасно, но... Хотел творить. А по мнению мамы, «вытворять».

О Пименовых Сема старался не вспоминать все последние годы. О старшем не получалось: он считал его предателем, Иудой и винил в смерти отца. А о младшем Ткачев благополучно забыл. И не друг он ему, и не враг... а так.

И вот спустя столько лет Виталя сидит перед Семой. Улыбается искренне. Он на самом деле рад видеть давнего приятеля. Зубы белоснежные (поставлены дорожные виниры), на щеках ямочки. Виталя хорош собой, но полноват и выглядит старше своего возраста.

- Сема, ты вообще не изменился, - выдал Пименов во второй уже раз. - Подумать только, столько лет прошло, а ты все тот же ушастый дрищ в стоптанных кедах.

На самом деле Ткачев худым не был - стройным да. И уши у него оттопыривались несильно. А кеды он на самом деле обожал с детства. И носил модные, дорогие. Что в детские годы, что сейчас. Даже если нужно было принарядиться, он не изменял привычной обуви: просто выбирал кожаную, максимально приближенную к классической. А Виталя выглядел барином. Щетина ухожена, волосы уложены и подкрашены на висках, костюм от какого-нибудь итальянского дизайнера (Сема не разбирался, но видел - вещь хорошая), часы из платины, из нее же кольцо, а ботинки начищены так, что в них можно увидеть свое отражение. Однако второй подбородок щетина, ухоженная в барбершопе, не скрывала, средиземноморский загар не маскировал мешки под глазами, а руки с безупречным маникюром чуть потрясывались.

Сема понял, что Пименов с похмелья. И гулял он не день или два. Пил неделю, не меньше. Это не был запой, просто такой образ жизни.

Виталя любил куролесить. Рестораны, клубы, девочки. Он был по натуре гедонистом. Обожал услаждать себя. Но в двадцать лет организм легко справлялся с тем, что его используют на полную катушку. Но когда тебе за тридцать... Надо уже задумываться.

В свои студенческие годы Виталя внешне был не просто собою хорош - невероятен. Девушки от него млели. И дело не в том, что он был стройнее, глаже. Не в растрепанных иссиня-черных волосах. Не в одежде, такой, не как у всех, но идеально сидящей, независимо от фасона. Не в улыбке, прекрасной и без виниров. В глазах. Изумрудно-зеленых. Лучащихся. Озорных. Он вел себя отвратительно, как правило, но тем, кто его хорошо не знал, казалось... Это он

не со зла. Как-то он во время ссоры избил случайную подружку. Не сильно, но отметины на теле оставил. Она хотела вызвать полицию, но Виталя так смотрел на нее: чисто, открыто, просяще... Что она поверила в то, что его жестоко наказывала мама в детстве, а девушка на нее похожа и он, будучи пьяным, просто их перепутал и хотел защититься.

Сейчас глаза Витали потухли. Стали уставшими, скучающими. Из-за них и вся внешность как-то поплыла, а никак не из-за двух десятков лишних кило.

- Не ожидал тебя увидеть, - сказал Сема. - Чай, кофе? - Виталя мотнул головой. - Есть виски. Пятнадцатилетний.

Было десять утра, Пименов явился к открытию, но кого это смущало?

- А вот от него не откажусь. Вчера круто погуляли с друзьями.

- Ты не за рулем?

- У меня водитель.

Сема подошел к шкафу, где стоял алкоголь, подаренный благодарными клиентами. Все знали, что он ценитель виски. Только пил его Ткачев под меланхоличное настроение, вечером, обычно сидя на террасе маминого дома. Закутавшись в плед, на кресле-качалке, он попивал солодовый напиток мелкими глотками и смотрел на дождь... Именно в дождь на него накатывала меланхолия. Мама и сестра знали об этом. А еще о том, что Сема в такие периоды хочет побыть в одиночестве, и не мешали.

Когда виски был налит и подан Витале, Семен спросил:

- Что тебя привело ко мне?

- Хочу привести тебя к успеху!

- Вот оно как, - хмыкнул Семен. - И каким же образом?

– Все расскажу, покажу... Но чуть позже. Сейчас мне хотелось бы что-нибудь сожрать. – Кто бы сомневался. Виски он выпил залпом. – В вашей конторке есть что-нибудь съестное?

– Найдем. Я распоряжусь.

– А я себе еще налью.

Он деловито взялся за бутылку и плеснул себе вторую порцию. А Сема тем временем дал распоряжение помощнице.

– Ты вообще как? – спросил Виталя, пригубив и вальяжно откинувшись на спинку кресла.

– Как видишь, неплохо.

– Да как раз я вижу, что фиговенько.

– Потому что тот же дрищ в стоптанных кедах?

– Не, это твой выбор, ты всегда был скромнягой... Но офис у тебя так себе. Работников мало. И я навел справки – ни один важный человек тебя не знает, то есть работаешь на нищевродов.

Сема коротко хохотнул. Он отвык от таких людей, как Виталя. Хотя даже в те времена, когда их семья купалась в роскоши, подобных было немного. Все больше нормальные. Но попадались даже горничные с пафосом. Они свысока посматривали на тех своих коллег, что убирались в обычных коттеджах из жалких четырех комнат.

– Я занимаюсь любимым делом и получаю за это деньги, которых мне вполне хватает, – спокойно ответил Семен. – А как твоя жизнь протекает?

– Шикарно. – И с ухмылкой добавил: – Как видишь! – А затем обвел себя свободной от стакана рукой, как экскурсовод статую Давида.

– Работаешь?

– Занимаюсь разными проектами. Инвестирую.

«Папины деньги», – мысленно добавил Семен. Старший Пименов взлетел так высоко, что шея затечет, пока смотришь, где он оказался. «Форбс» каждый год его включает в список богатейших людей России. Не в ТОП-10, но тридцатку он много лет не покидает. Не так давно занялся политикой. Еще женился на баронессе и метит также в высшее общество Англии.

Если бы он явился сейчас к Семену, тот не стал бы с ним разговаривать. Если бы Уголовного кодекса не боялся, долбанул бы его по голове чем-то тяжелым.

Старший Пименов был единственным человеком, которого он ненавидел. Но дети за отцов не отвечают. И Виталя просто ему как человек не нравился. Однако встретился с ним, предполагая, что тот сможет принести доход его фирме и вывести на новый уровень.

Конечно, не нищелюбы были клиентами Ткачева, но люди в средствах, пусть и немалых, ограниченные, имеющие традиционные вкусы, стремящиеся скорее к комфорту, чем к красоте и необычности... А он хотел творить... Или все же вытворять?

– Сейчас я задумал нечто грандиозное, – продолжил Виталя, допив вторую порцию виски и заметно порозовев.

А тут и помощница Семена явилась с подносом. На нем крекеры, оливки, твердый сыр.

– Что, икры нема? – повесил уголки своего рта Пименов. – М-да... А говоришь, все хорошо. Бедненько у тебя, Сема! Но я помогу тебе выйти на новый уровень.

– А можно ближе к делу? У меня куча дел.

– Отмени все. Перед тобой тот, кто прославит тебя и, как следствие, сделает богатым.

Семен предполагал услышать что-то вроде: «Войди со мной в долю, и через кратчайший срок мы не только отобьем затраты, но и получим прибыль».

Перед тем как встретиться с Ткачевым, он наверняка навел справки и сделал вывод, что у того средства имеются. А вот у самого Витали как знать... У отца новая семья, трехлетний ребенок. Опять же на плотно засиженную политическую жердочку даром не вскочишь. А содержать великовозрастного детину-транжиру ох как накладно... Да и надоело. Сколько можно?

«Если я прав и мне сейчас представят бизнес-проект, откажусь, – сказал себе Семен. – Даже если предложение будет заманчивым. С кем угодно в долю войду, только не с младшим Пименовым...».

– Я уже говорил, что задумал нечто грандиозное? – спросил Виталя, после того как прожевал горсть оливок.

Сок стек по его подбородку, и он вытер его рукавом своего дорогущего пиджака.

– Минуту назад.

– Да. Так вот, я хочу, чтоб ты стал частью проекта.

– Денег не дам.

– Мелочевку свою оставь для покупки новых кед... и подаяния нищим. У меня есть не только бабки, но и идея, а также объект, который я хочу отдать тебе на растерзание.

– Какой? – осторожно спросил Сема.

– Сейчас покажу. – Он открыл сумку из кожи крокодила (а какой еще?) и достал из нее планшет. Выведя на экран фотографии, протянул его собеседнику. – Как тебе?

– Это что за развалюха?

На снимках было запечатлено старое, дореволюционное здание со следами былой красоты, но находящееся в ужасном состоянии. И ладно бы в нем не было дверей и окон, так один из углов обрушился.

- Это усадьба князя Филаретова, – принялся объяснять Виталя. – Построена в конце XVIII века.

- По ней заметно.

- До революции она выглядела прекрасно. Открой второй альбом.

- Да, – вынужден был согласиться Семен, последовав совету Виталя. – И очень авангардно. В те времена совсем не так строили.

- Гауди со своими причудливыми домами, собором и парком нервно курит! Архитектор, спроектировавший особняк Филаретова и другие постройки на территории усадьбы (до наших дней не сохранившиеся), опередил свое время задолго до знаменитого испанца.

- Как его фамилия?

- Точно неизвестно. То ли Сомов, то ли Карпов, то ли Пескарев. Короче, рыба фамилия.

- Но почему? Архитекторы, как и художники, подписывали свои работы. Кто как мог или хотел. Стела, доска, кирпич, вензель.

- Князь Филаретов уничтожил все метки. А самого архитектора за связь со своей молодой женой наказал, обвинив в краже и отправив на каторгу. Ее же вернул домой и заточил то ли в подвале, то ли на чердаке. После этого она сошла с ума.

- Ничего себе история.

- Это только ее начало!

- Ненормальная супруга родила девочку...

- То есть князь ее... кхм... пользовал?

– Очевидно, да, раз пленница родила дочь. Назвали кроху Еленой. Та выросла, но замуж никак выйти не могла. За нее большое приданое давали, да никто не хотел брать в жены дочку известного в округе тирана и психически больной. Но все же сумел папашка ее пристроить. Лена родила сына уже в очень зрелом возрасте. Но счастья ни супружеского, ни материнского не обрела. Не жила – маялась, пока не повесилась. Старый граф зятя из дома изгнал (по другой версии башку ему пробил в гневе, да в том же подвале схоронил), а внука Ивана стал сам воспитывать. Чуть ли не до ста лет проскрипел. Поговаривали в окрестных деревнях, что тут без колдовства не обошлось. Иван возмужал, женился. Супруга родила одного, другого, третьего... шестого. Но все умирали детьми. Только последыш в живых остался. Девочка, названная в честь бабки Леночкой.

– Интуиция подсказывает мне, что с ней тоже случилось нечто нехорошее.

– В точку. Она повесилась. Потому что ей виделись призраки. То являлась женщина ненормальная, то мужик с пробитой головой, то дети...

– Все, кто умер в доме, так?

– А покончившая с собой Леночка стала являться своему старику отцу. И он тоже пустил себе пулю в лоб. Хотя, возможно, и не из-за этого. Революция началась, тогда многие аристократы с собой кончали.

– Я все еще не понимаю, зачем ты так подробно рассказываешь?

– Потерпи, – осадил его Виталя. И доел весь сыр, взяв кусочки и сунув в рот. К виски он больше не притрагивался. – После революции на территории усадьбы беспризорники жили. Помнишь старый фильм «Бронзовая птица»? Нас отцы заставляли его смотреть.

– Я делал это с удовольствием. Даже книгу читал.

– О, то есть это по книге фильм? Не знал.

«Кто бы сомневался», – мог бы сказать Сема, но не сделал этого.

- Так что с особняком произошло дальше?
- Детей вывезли через пару лет. А вместо них в усадьбу заехали психи. Дурдом просуществовал до перестройки. После нее усадьба была брошена государством на произвол судьбы. От нее, впрочем, и так мало что осталось. Дом со временем лишился двух флигелей, церковь еще большевики сожгли, парк с фонтаном и беседками пришел в запустение.
- Богатая усадьбы была!
- Очень. Филаретов якобы промышлял разбоем. И титул свой купил.
- По-крупному хапал? - И про себя: «Как твой батя?»
- Торговые суда грабил.
- Откуда тебе все это известно?
- Я провел изыскания.
- Как это на тебя непохоже.
- Ты меня не знаешь, Сема.
- Как раз знаю. Поэтому удивляюсь.
- Мы пятнадцать лет не виделись.
- Чуть меньше. Но люди не меняются.
- Ты и твои стоптанные кеды точно, - начал злиться Виталья. И снова налил себе виски. А мог бы валерианки попросить - у Семена она имелась. - Я искал себя долго... И вот нашел. Теперь я знаю, чем хочу заняться. И к делу к своему подойду с полной ответственностью.

– Похвально. Только я не понял, что за дело. И при чем тут заброшенная усадьба?

– Хочу восстановить ее и превратить в место, куда богатые буратинки будут слетаться, как мухи на какахи.

– Отель откроешь с подпольным казино и борделем?

– Кого сейчас этим удивишь? – фыркнул Виталя. – А вот домов с привидениями у нас не так много.

– А... Так ты всю историю с призраками выдумал?

– Обижаешь. Она правдива. Я лично видел размытую фигуру в странном одеянии, перемещающуюся по развалинам.

– А ты перед этим что употреблял? – Сема помнил, что Виталя не только с алкоголем дружил, но и с наркотиками, пусть и легкими.

– Ты скептик. И атеист. Это хорошо. Такой архитектор мне и нужен. Другой там не сможет находиться. Беспризорников не просто так вывезли из усадьбы. Они там учинили погром, потому что не могли спать ночами. Каждый третий сбегал. Им было лучше на улице, чем под крышей дома, по которому шастают привидения. Поэтому психов заселили. Им если что и привидится, всегда можно списать это на болезнь.

– Так, стоп. Начнем с самого начала. Как ты там оказался?

– Познакомился в клубе с девочкой. Гоу-гоу танцует. Поднял. Оказалась историком-краеведом. То есть не только сиськи-жопа, но и мозги. Понравилась она мне, стали регулярно встречаться. И веришь, нет, больше говорим, чем трахаемся. Лолой ее зовут. Из-под Калуги она. И как-то повез я ее на родину. Не с водителем отправил, сам!

– Это подвиг, Виталя, – хохотнул Семен.

– Если мне телка нравится, я на многое готов, – раздул щеки Пименов. – Так вот едем, и вижу я какие-то руины. И Лола мне тут же начинает о них рассказывать. Что это бывшая усадьба князя Филаретова и прочее... А у нее язык подвешен, да речь чистая, без всяких слов-паразитов... На радио бы ей работать, а не жопой крутить в клубе. В общем, историю она мне изложила, я заинтересовался настолько, что машину развернул и поехал к развалинам. Долго мы там ходили. Лола мне все показала, где что раньше располагалось. А потом и картинки, которые сейчас в планшете. У нее целое досье на эту усадьбу. Когда училась, собирала. И диплом как-то с ней связан.

– А призрака ты тогда же увидел?

– Конечно, нет, мы были днем. Я поздним вечером вернулся. И провел в развалинах ночь.

– Зачем?

– Выражаясь криминальным языком, меня взяли на понт. Или на «слабо». Я не такой закоренелый скептик, как ты, но не особо верю в деревенские байки. Им там, в провинции, больше нечем заняться, только их выдумывать. Лола – барышня продвинутая, конечно, но она выросла на историях о мистическом месте. В детстве гоняла на развалины, фантазировала...

– Она тебя на понт взяла?

– Точно. Мы сидели в саду ее дома, пили винишко домашнее, из черной смородины, смотрели на небо. Луна как блин. Звезды. Пахнет цветочками. Цикады стрекочут. Идиллия. И тут Лола говорит: «Именно в такие ночи призраки являются...»

– В идиллические? – насмешливо спросил Сема, хотя понял, что речь шла о полнолунии.

– Шутник из тебя всегда был так себе, – скорчил гримасу Виталя. – Слушай, а пошли пожрем где-нибудь? Я твоим птичьим кормом не наелся.

– Потерпи. Я не могу уйти сейчас – клиента жду, он через четверть часа будет. И переносить его визит не буду. Поэтому заканчивай историю и переходи к сути.

– Я ведь могу обидеться и уйти. Архитекторов полно. Найду на раз-два.

– Это я знаю. И мне интересно, почему ко мне? Только не говори, что тебе мои работы нравятся. Ты их не видел. И конечно, не из-за того, что я атеист и скептик.

– Отцовский должок решил вернуть. Нехорошо он с батей твоим поступил. Да, как бизнесмен он все сделал правильно, а как друг – нет...

Семен чуть со стула не упал. Уж от кого, от кого, а от Витали Пименова он такое услышать не ожидал. Ему всегда было на всех... мягко говоря... испражниться. И это очень мягко. Неужто на самом деле изменился?

– Но долой лирические отступления, – продолжил Виталя. – Закончу историю с той ночью. Как ты понял, призраки по местным легендам бродят по руинам как раз в полнолуние. Я усомнился. Лола сказала: «А ты проверь. Или слабо?» Пришлось доказывать, что не трус. Отправился в усадьбу. Взял одеяло, вино, телефон с полной зарядкой, чтоб музыку слушать. Угнездился. Часа два просидел. Ничего. Ну, думал, спать буду. Стены толстые, да и крыша цела. Уютно вполне. Укутался, прилег... И тут... Вот я тебе клянусь! И даже не пьяный был... Вино меня не берет, только немного расслабляет... Вижу призрака! В белом платье до полу. Широком, колышущемся. Промелькнуло оно и скрылось до того, как я успел выбраться из своего ватного кокона. Но это точно был не человек. Я вскочил через секунд десять, побежал... А никого!

– Так, ладно. Пусть ты что-то там видел... – А про себя добавил: «Скорее всего, во сне». – Но я не могу понять, зачем тебе вбухивать кучу бабок... Поверь, эта куча размером с Джомолунгму! Новое построить легче. А еще выкупить землю...

– Батя уже все выкупил. И отсыпал хорошо. Так что о бабках не беспокойся. Они есть. И я хочу потратить их на то, чтобы дать усадьбе новую жизнь. Мы и флигели восстановим, и парк разобьем, и беседки возведем. И мне нужен не просто архитектор, а творец. Человек, имеющий уважение к старине, но с фантазией. Ты такой. Я знаком с твоими работами, зря ты меня недооценивал. Говорю же, если я чем-то увлечен, то отдаюсь этому. Ты, конечно, не Гауди, и я

мог бы выбрать кого-то другого, похожего на тебя по стилю, но тебе повезло... Человеческий фактор все решил. Радуйся.

- Начну сразу после того, как выясню один момент.

- О гонораре будем говорить после того, как ты предоставишь мне хоть какой-то проект. А аванс, естественно, я заплачу сегодня. У вас же так. Я башляю, вы рисуете, а потом мы заключаем долговременный договор.

- Виталь, о деньгах позже. Моих - не твоих. Перед тем как взяться, я хочу узнать у тебя... На фига ты ввязываешься в это? Не отобьешь ты затраты. Ладно какие-то лорды английские пускают к себе экскурсии туристические, пичкая их байками о привидениях - так они просто хотят выживать. Содержание большого дома стоит огромных денег. Ты же почти с нуля хочешь его восстановить. А потом еще быть в плюсе...

- Я собираюсь стать таким лордом. То есть я строю дом для себя. Хочу стареть в нем. Может, и титул себе куплю, почему нет? А пока я еще молод и полон сил, буду делать деньги на доме с привидениями. Зря ты думаешь, что затея провальная. Наверное, потому, что далек от общества, которое даже у меня язык не повернется назвать высшим. Зажравшимся - да. Эти люди не знают, чем себя развлечь. Казино и проститутки, говоришь? Надоело. Экстрим тоже наскучил. Все эти серфинги, сноуборды, кары гоночные. Их ставшие канатами нервы фиг пощекочешь. И тут я со своими привидениями! И это тебе не замок Дракулы в Трансильвании. Он же фейк. Пустышка. А наша усадьба реальна. Я устрою в ней гостиницу, где будет и музей мистики, и изотерический салон, и квест-комнаты. Драть буду втридорога. В ночи полнолуния особенно. И попасть ко мне будет ох как нелегко. А для богачей это лучшая замануха. Все они хотят стать членами закрытого клуба. Я даже подумываю о каком-нибудь тайном обществе...

- Планов у тебя громадье, я понял. И я допускаю, что ты их осуществишь. Сомневаюсь, конечно, но, как ты правильно заметил, я не очень хорошо понимаю психологию зажравшихся... У меня последний вопрос: если твои многочисленные гости так перепугают привидений, что они перестанут являться, что будешь делать?

– Ты как маленький, честное слово, – тяжело вздохнул Виталя, и животик вывалился из-под ремня. – Я миллионы долларов потрачу на строительство, а уж на специалиста по спецэффектам как-нибудь наскребу.

– То есть ты замыслил аферу. А история с привидениями просто вдохновила тебя на это. Вот теперь все встало на свои места.

– Тебе что-то не нравится?

– Наоборот. Я готов к деловым переговорам. Фотографии скинь мне на мыло. Если есть какие-то старые чертежи...

– Есть! Я ж говорю, Лолоша целое досье собрала.

– Вообще крутяк. Их тоже перешли. Адрес ты должен знать. Точные координаты мне тоже нужны. Я все изучу, прикину и тогда уже решу, стоит ли мне связываться.

– Лады. – Виталя встал. Заправил пузико в брюки. – Только ты не затягивай. У меня зуд. Хочу начать поскорее. Я уже технику нашел, бетон, щебенку закупил, кирпич...

– С последним поторопился.

Тут дверь отворилась, и в проеме возникла физиономия помощницы Нади. А если точнее, ее длинный нос, весь утыканный пирсингом. В каждой ноздре было по две серьги. Еще одна пересекала переносицу.

– Семен, клиент пришел, – выпалила она и скрылась.

– Я бы такую не нанял, – заметил Виталя. – Она будто в колючую проволоку упала мордой.

– Толковая девочка.

– Но страшная. – Виталя протянул руку. Сема пожал ее. – Я все отправлю и уже завтра позвоню.

– Я не уверен, что успею изучить...

– Ты заинтересован во мне больше, чем я в тебе. Помни об этом.

После этого развернулся и ушел. А Семен приготовился встретить клиента, которому требовалась пристройка к коттеджу. Но думал он совсем не о нем и о ней – а об усадьбе князя Филаретова. Он уже понимал, что, какие бы условия перед ним ни поставили, он возьмется за ее восстановление.

Глава 2

Она сидела перед зеркалом и стирала яркий макияж с лица.

– Лола, ты чего, дура, делаешь? – послышался крик управляющего клубом Ленчика. Он был тщедушным, расфуфыренным и до невозможности нелепым внешне, эдаким карикатурным геем, каких показывают в комедиях, только с красивым низким голосом. Когда она услышала его по телефону, то представила себе импозантного мужчину крепкого телосложения, но, явившись на собеседование, увидела перед собой... этого петушка. У него и гребешок имелся. Жиденький, выкрашенный в оранжевый цвет, залитый гелем.

– Чего тебе, Леня? – устало спросила Лола. На «дуру» она не обиделась. Ленчик оскорблял всех работников и обычно матерно.

– Ты по кой... морду стерла?

– Отработала, вот и стерла.

– У нас VIP-ложу заняли, не видела, что ли? Депутат со своими помощниками завалился, будут деньгами сорить. Давай обратно малюйся.

– Я устала, как собака. Ноги гудят.

– «Финалгоном» помажь.

Она упрямо мотнула головой.

– Нет, ты не дура, ты идиотка! Клиническая... – управляющий склонился к ней, чуть не вжал свое лицо в ее. У него были широкие поры, и сколько бы он тонального крема на кожу ни наносил, это было заметно. – Тебе в трусы чаевых насуют столько, что сможешь за месяц вперед заплатить за ту халупу, что ты снимаешь в Бутово. Или ты уже перестала в деньгах нуждаться после того, как подцепила Виталю? Часики тебе подарил и новый айфон, а ты до задницы рада! Так вот знай, таких, как ты, у него в год по дюжине. Думаешь, ты первая, кого он из нашего клуба увез?

– У тебя изо рта воняет, – поморщилась Лола и отстранилась. Она сказала неправду, пахло от него мятной жвачкой. Но кому приятно, когда грубо нарушают границы личного пространства? – А теперь выйди, пожалуйста, мне нужно переодеться. – На ней все еще было белье и высокие лаковые сапоги. В них чудовищно потели ноги, поскольку материал был искусственный, зато он отлично переливался в свете огней.

– Или взбираешься через десять минут на свою тумбу, или валишь отсюда на хрен и больше не возвращаешься! Что выбираешь?

– Валю на хрен. – И демонстративно стянула с себя трусы. Ленчик не переносил вида женских гениталий. Они вызывали у него омерзение. Смачно выругавшись, он умчался из гримерки. А Лола стала спокойно переодеваться в обычную, как они, танцовщицы, шутили, «гражданскую» одежду. Хватит с нее Ленчика, танцев на тумбах и барных стойках, озабоченных мужиков... и даже денег, что они совали ей в трусы.

...Вообще-то Лолу звали Леной. Лена Александрова родилась под Калугой. До семнадцати лет прожила в деревне с дивным названием Васильки. Семья ее была замечательной, хоть и неполной (а с другой стороны, как посмотреть?). Мужики как-то не приживались... Прабабушкин погиб в финскую войну, больше она замуж не выходила. Бабушка своего выгнала, потому что пил. А мама родила Лену вне брака. Так и жили вчетвером... Потом втроем... вдвоем.

Прабабушка умерла в девяносто семь. Могла бы протянуть и дольше, но оперировать ее сломанный таз врачи отказывались (пеняли на возраст), на коммерческую клинику средств у семьи не было, и старушка зачахла, лежа в

кровати.

Для Лены потеря прабабушки стала страшным ударом. С ней девочка была особенно близка. Именно в ней видела родственную душу.

Вдвоем с мамой они остались, когда Лене исполнилось пятнадцать. Бабушка умерла довольно рано, в шестьдесят пять. И после похорон стало ясно, что на ней держалось все: дом, хозяйство, быт, финансовая стабильность.

Александровы никогда не бедствовали, хоть и не жировали. Все необходимое у них было. Начиная от большого телевизора, заканчивая добротными башмаками. Даже автомобиль имелся. «Копейка». Бабушка на нем в Калугу на рынок ездила, там продавала овощи с грядки, зелень, яйца, курятину. Выручала не особо много, но у нее еще и пенсия имелась, и им хватало. А вот мамина зарплата куда-то улетучивалась. Небольшая, учительская, но все же она стабильно выплачивалась.

Когда бабушки не стало, все пошло прахом. Зацах огород, передохли куры, в кухонных ящиках волшебным образом перестали появляться крупы, чай, зато квитанции за свет и водоотведение начали копиться. Лена пыталась хоть что-то сделать: она полола грядки, опрыскивала черноплодную рябину, из которой прабабушка такое вино делала, что не хуже хереса, иван-чай собирала в лесу – его если заварить, будет очень даже приятный напиток. Мама же погрузилась с головой в творчество.

Она преподавала русский и литературу. На досуге писала рассказы. В стол. А все потому, что когда-то она показала одно из своих произведений маме, та прочла и раскритиковала. А вскоре и ее ухажера. В итоге ни публикаций, ни мужа.

Ленина мама, Мария Константиновна, считала, что, если бы ее поддержала семья, она всего бы добилась и в карьере, и в личной жизни. И ее рассказы стали бы популярными, и деревенский баянист стал бы хорошим мужем. Но коль такого не произошло... Что делать? Писать и рожать для себя.

Когда Лена поступила в университет и уехала в Калугу, Мария Константиновна пустилась во все тяжкие. Она привела в дом какого-то хмыря, иначе не скажешь и... Этот самый дом заложила банку, чтобы получить деньги. На них она опубликовала свой сборник рассказов.

Обо всем этом Лена узнала, приехав к маме в гости. Она отсутствовала всего три месяца. Но когда явилась... Тут вам здрасьте! Сидит за столом дядя в труханах в полоску, чешет пузо, водочку наяривает под борщ, естественно, пакетный (Мария Константиновна готовить умела только яичницу да макароны), а кругом книги... Мамины. Тысяча экземпляров. Точнее, девятьсот восемьдесят. Двадцать раздала коллегам. Остальные намеревалась продать.

Не стоит и говорить о том, что разошлась только десятая их часть. Матушка решила, что дело в том, что на рассказы малый спрос, и взялась за роман. Детективный. Пока она писала, ее сожитель потихоньку погуливал и выпивать стал чаще. Мария Константиновна этого не замечала – она вся была погружена в творчество, а в свободное от него время работала. О том, что ее долг банку все увеличивается, от дочери скрывала. Да еще врала, что ее хмырь хорошо получает, поскольку мастер на все руки, и они не нуждаются. Он на самом деле мог и сантехнику сменить, и крышу покрыть, и печку выложить, только лень ему было. Из-за этого его супруга из дома выгнала, а истосковавшаяся по мужской ласке Мария Константиновна приветила.

От нее, к слову, он ушел сам. Сказал, что устал от пакетных супов и макарон, – и быстро нашел себе домовитую вдовицу.

Мама излила свое горе в любовном романе, но ни он, ни детектив редакторов не заинтересовали, а за свой счет напечатать Мария Константиновна уже не могла.

Лена училась на третьем курсе, когда ей позвонили из банка и сообщили, что, если долг не будет выплачен до конца месяца, у них заберут дом.

Справившись с первым шоком, поинтересовалась, сколько они должны. Оказалось, семьсот тысяч (под какой же процент ты брала ссуду, Мария Константиновна?).

Для Александровых, мамы-учительницы и дочки-студентки, сумма неподъемная.

– Пусть забирают, – сказала ей лучшая подруга Катюня, выслушав рассказ Лены.

– Как пусть? Ты что?

- Дом в вашей глуши не стоит таких денег.

- Да, соседи за пятьсот продали.

- Да ваш еще и ветхий.

- Но он старинный. Его построили в начале XX века. Это наше родовое гнездо. Как отдать его на растерзание? И потом... Где нам жить?

- За семьсот вы в соседнем селе квартиру купите. Ты пока в общежитии, матушку кто-нибудь да приютит. Закончишь бакалавриат, устроишься на работу, возьмешь ипотеку...

- Нет, я не отдам свой дом. Ни за что!

- И что будешь делать?

- Искать деньги.

- Удачи тебе, - кисло улыбнулась Катюня, ни на миг не поверив в успех.

А Лена была полна решимости. Она ходила по банкам, знакомым, знакомым знакомых... Понимала: всю сумму сразу ей никто не даст, но надеялась насобирать по частям. Но увы... Больше двухсот пятидесяти не получалось. Лена решила заткнуть глотку банку хотя бы этой суммой, но тут пришла помощь откуда не ждали...

Катюня была такой же, как и подруга, бесприданницей, только городской. Жила с дедом и бабкой, и как она сама говорила, они последний хрен без соли доедали. Пару сотен занять могла, но больше у нее просто не было. И вдруг... Заявляется в общежитие в бриллиантах.

Лена всегда думала, что они от фианитов отличаются только ценой, но, когда увидела в ушах Катюни, сразу поняла: они... Лучшие друзья девушек!

- Я нашла для тебя деньги, - выпалила подруга. - Только ты сразу не психуй и не отказывайся... Подумай.

- Ты ограбила ювелирный магазин и хочешь взять меня в подельники?

- Нет, я познакомилась с богатым дядей.

- Где?

- На работе. - Катюня четыре дня в неделю обслуживала столики в ресторане. - У нас заведение простенькое и никогда мы не видывали людей выше среднего класса... А тут такие дяди заходят! Двое! Оба, конечно, уже старые... - Для двадцатилетних «старые» - это сорок плюс. - Но холеные, важные. Из Москвы приехали что-то тут у нас перекупать, но в аварию попали на своем «Мерседесе», а чтобы не скучно было ждать эвакуатора, решили перекусить.

- И один из них в тебя влюбился?

- Хотелось бы в это верить, но я не такая наивная, как ты.

- Я не...

- Брось, Ленка. Ты веришь в сказки. Я - нет. Этот дядя меня возжелал. Я поломалась для вида, но все же согласилась на свидание с ним. Мы вечером встретились, провели вместе ночь, а утром он мне подарил это. - Она щелкнула себя по ушам.

- Очень красивые серьги.

- Согласна. Но если бы он не сорвал с них бирки и коробку не выкинул, я больше обрадовалась бы. Зачем мне эта роскошь? Я последний хрен без соли доедаю.

- Ты хочешь их продать?

- Я сдала бы их. А теперь их примет только ломбард. Но мне жалко терять пятую часть цены. К тому же я надеюсь, что мы еще встретимся и тогда он увидит, что его презент мне дорог, ношу не снимая...

- Пока не звонил?

- Нет. Но у меня есть номер, и я думаю сама набрать. Сделаю это не только для себя, но и для тебя.

- Не поняла.

- Второй дядя, Федором его зовут... Моего - Костей. И мой моложе, симпатичнее, но Федор богаче. Он главный буржуин. Так вот у него фетиш. Хочет девственницу. Да не заштопанную - настоящую. В интернете искал. Но всем этим инстаграмщицам веры нет. Это мне Костя рассказывал.

И тут Лена поняла, к чему ведет ее подруга!

- Все, Катюня, не продолжай, - замотала головой она. - Я не согласна...

- Дура ты, Ленка! Такой шанс срубить бабки, считай ни за что. Или ты так своей целкой дорожишь? Неужто суженому ее в дар хочешь преподнести?

Нет, Елена Александрова оставалась невинной не потому, что берегла себя до свадьбы. Она и до нее с удовольствием отдалась бы мужчине. Но любимому. Не девственной плевой дорожила Лена (ее, как Катюня заметила, можно заштопать), своей непорочностью эмоциональной и энергетической. Впервые, как ей думалось, не телом отдаешься - душой. Если это по любви...

- Федю тебе небеса послали, неужто не понимаешь? - продолжила подруга. - Другого шанса сохранить дом не представится.

- Это же... - Лена всхлипнула. - Это же проституция... - И зарыдала так, как только на похоронах прабабушки плакала, с соплями до губы, воем, икотой.

Катюня дала ей прореветься, а когда Лена более-менее успокоилась, сурово спросила:

- Я, по твоему мнению, проститутка?

- Нет, конечно.

– Да ну? А как же это? – и снова щелкнула себя по мочкам ушей.

– Ты встретила с заинтересовавшим тебя мужчиной и не отказалась от его подарка. Это совсем не то, что говорить – я пересплю с тобой за сережки с бриллиантами.

– Дело в том, что если бы я так сказала, то получила бы отлуп. Твоя же история другая. Ты себя не предлагаешь. Федя будет биться за то, чтобы стать твоим первым. У него фетиш и куча бабок. У тебя целка и долги. Вы нашли друг друга. – Она подобрела, присела рядом с Леной, приобняла ее. – А еще вам несказанно повезло с посредником. Я все организую. Позвоню Косте, скажу, что есть подруга, которой может заинтересоваться Федор, естественно, навру, что ты не при делах и я действую за спиной, потому что знаю о твоих проблемах...

– А если он мне будет противен?

– Федор – вполне привлекательный мужик. Элегантный, хорошо пахнущий. К тому же высокий, как ты любишь. Противным его точно не назовешь.

– Ой, не знаю... Я подумаю.

– Э нет, давай прямо сейчас решать. – И достала свой сотовый.

– Ты чего делаешь? – в панике заголосила Лена.

– Звоню Косте.

– Только не при мне! – И убежала из собственной комнаты.

...Через два дня она сидела в ресторане загородного клуба за одним столиком с Федором.

Катя не обманула. Он действительно был вполне привлекательным, элегантным и высоким мужчиной... шестидесяти лет. Дедушкой.

Лене хотелось убежать сразу после салата. Придумать предлог. Но Федор оказался очень интересным собеседником и галантным кавалером. В итоге

дошли до десерта.

- Я вам верю, Леночка, - сказал мужчина, глянув на нее с ласковой улыбкой.

- Извините?

- Мне столько раз пытались подsunуть прожженных девиц, маскирующихся под ромашек, что я уже отчаялся встретить настоящую... Но сейчас передо мной сидит такая.

Лена отложила ложку, села прямо. Ей стало неловко. Зачем он завел этот разговор? Ведь так хорошо общались... Она даже забыла о том, что пришла продавать свою девственность.

- Ваша подруга сказала, что у вас проблемы финансового характера. Она не соврала? - Лена мотнула головой. - Какому банку вы должны деньги? - Она назвала.

- Как уж вы умудрились с ними связаться? - покачал своей седовласой головой Федор. - Это же сомнительная контора.

- Не я - мама.

- Отвечаете за грехи родителей? Бывает. Я тоже через это прошел.

- Они заняли денег, а вы выплачивали?

- Нет, дорогая моя. Все было гораздо хуже. Мой отец, который бросил нас, вместе с товарищами захватил самолет, чтобы улететь на нем на Запад. У них не получилось. Папу и остальных расстреляли, а я и мой брат жили с клеймом «дети террориста и изменника Родины». И кому какое дело, что он о нас забыл намеренно, а мы его просто не запомнили - были слишком малы, когда семья распалась...

- Я вам искренне сочувствую.

– Верю. Поэтому приглашаю подняться в мой номер. Там нас ждут шампанское и фрукты. А о кредите не волнуйтесь. Я закрою его... – Тут его взгляд изменился. Едва уловимо. Но Лена обратила на это внимание. – Или вы хотите больше, чем семьсот тысяч?

– Нет. Этого достаточно.

Катюня вдалбливала ей, что деньги надо брать вперед. Жлобы и среди богачей попадаются. Вдруг кинет? Но Лена не могла так поступить. Потребовав предоплату, она приравняла бы себя к проститутке.

К счастью, Федор оказался мужчиной порядочным. Лишив девушку невинности и еще дважды ею овладев благодаря волшебной таблетке, он не только закрыл ее кредит, но и преподнес презент: браслет из белого золота с подвеской в виде ангелочка.

Причем в коробке и со спрятанным под подложку товарным чеком. Лена потом сдала его и полгода жила себе преспокойненько.

Федор ей не звонил, хоть она и оставила ему номер. Взял то, что хотел, и потерял интерес. Катюня со своим пару раз встретилась, но тоже не пошло дело.

Как ни странно, большой осадок после этого остался на душе у последней. А Лена даже грязной себя чувствовала после ночи с Федором всего неделю-другую. И лишившись невинности, свободу почуяла и... Нашла себе парня. Тоже студента. Озорного, по-дурацки себя ведущего, нелепо одевающегося, слушающего андеграунд и матерные частушки... Молодого! С ним и секс был другой. Не сказать, что лучше. Веселее.

Получив диплом бакалавра, Лена поступила в магистратуру и устроилась на постоянную работу. Дом был переписан на нее, и волноваться за маму она перестала, а зря...

Спокойно Марии Константиновне не жилось. Страстей хотелось не книжных – реальных. Или хотя бы виртуальных. Нашла себе по переписке ПРЫНЦА. Нет, не так... ГЕРОЯ. Американского военного врача, спасающего в Сирии жизни солдат и гражданского населения. Они долго переписывались. Пару раз созвонились, но связь была ужасной: война – понятно. ГЕРОЙ звал замуж. Говорил, что мечтал о

такой, как Мария, всю жизнь. Она даже книги писать перестала, всю себя посвятила общению со своим суженым. Чтобы счастье не спугнуть, никому о своей любви не говорила. В том числе дочери.

Лена узнала о том, что мать снова взяла кредит, от директора школы, в которой Мария Константиновна трудилась. Приставы приходили. Обязали четверть зарплаты удерживать. Оказалось, мама влезла в долги, чтобы помочь своему ГЕРОЮ покинуть Сирию, где он попал в плен к террористам. Ее четырехсот тысяч на это не хватило. Любимый просил прислать еще, но больше Мария достать не могла, хоть и пыталась.

Но не это стало для мамы ударом. То, что она нарвалась на мошенника. На одном из центральных каналов показали передачу, где несколько женщин рассказали подобную историю. Конечно, она не сразу поверила, что и ее герой – лишь фейк, думала, он перестал выходить на связь, потому что убит, но...

Мария Константиновна не была идиоткой, и здравый смысл победил слепую надежду на чудо. Женщина впала в депрессию, стала пропускать занятия – в итоге была уволена за прогулы, потому что по собственному желанию написать не захотела.

Кредит Елена взяла на себя. Было тяжело и работать ударно, и учиться, и в деревню мотаться, чтобы мать под присмотром держать.

К двадцати двум годам почувствовала себя загнанной лошадей. Порой ловила себя на мысли, что будет не против, если ее пристрелят.

В Москву Лена поехала не за красивой жизнью, а за мужчиной. Несильно она от матушки своей отличалась, хоть и хорохорилась. У них был короткий, но бурный роман в Калуге, через месяц парень уехал в столицу. Перезванивались, общались в видеочате, скучали...

Лена точно. Безумно! Еще через месяц встретились в Калуге. Мужчина приехал на выходные. И два дня и ночь были их... Вскоре она нанесла ему ответный визит.

Он был не богат, но хорошо обеспечен. Строил просторную квартиру в приличном районе, а пока жил на съемной. Туда Лена и приехала. И снова страсть, бурный секс, признания в любви. Он говорил, что видит ее своей женой, и они строили планы... Даже давали имена своим будущим детям.

Она, в конце концов, переехала в Москву. Любимый просил подождать, когда новое жилье будет готово, но Лене было не остановиться. Она не то что в однушке... В шалаше бы жила с милым.

Счастлива Лена была ровно три месяца... Такое квартальное счастье получилось! Потом прозрела. Любимый то в командировках, то на стройке за отделкой следит. Ночует с ней от силы две ночи. И личных вещей почти не имеет в квартире.

Пришлось провести небольшое расследование. Выяснилось, что избранник ее женат. Имеет двоих детей. С супругой своей разводиться мужчина и не думает, все у них хорошо. А любовницу на стороне каждый пятый имеет. Только не все могут открыть ей правду. Некоторым приходится хитрить...

Елена ушла от любимого. Он говорил: «Останься, дурочка, в квартире, она оплачена до конца года, и три месяца твои», но гордость помешала... Тогда она еще была у Лены!

Сначала она хотела вернуться домой. Если не в деревню, то хотя бы в Калугу. Но она всем раззвонила, находясь в эйфории, что выходит замуж... И стыдно было приползать в обжитую нору, поджав дрожащий хвост.

Как и признаваться маме в своем фиаско. Она столько стыдила ее за наивность, но сама встала на те же грабли. Хорошо еще, что без финансовых потерь.

...Танцовщицей гоу-гоу Елена стать не то чтобы не мечтала... она даже не могла себя представить на тумбе, сцене, стойке. А в клетке – давно. В Калуге не было клубов, где такие подвешивали к потолку на цепях, а в них извивались девочки в латексе. Лена подобное только в кино видела. Но, оказалось, в реальной жизни есть и такое... И не такое! Но узнала она об этом позже, когда устроилась в клуб.

Сначала официанткой. Катюня пристроила. Она перебралась в Москву до Лены и приютила «сбежавшую невесту». И Ленчику ее рекомендовала. Собеседование Лена прошла, стала работать. Форма у официанток была фривольной: юбочки мини и корсажи. Поэтому с плохой фигурой девушек не брали. Лене с этим повезло, природа одарила ее идеальными пропорциями. Вот только худела она резко. И все из-за нервов. Поэтому пришла тощенькой. Но через три месяца налилась, и Ленчик, выдавая ей форму на размер больше, спросил:

- Не беременная, случайно?

- Нет. Я вошла в свою норму: сорок четыре – сорок шесть.

- Разденься до белья.

- Зачем? – недоуменно спросила Лена.

Ленчик не тот мужчина, кому интересны женские прелести.

- Хочу посмотреть на тебя... С профессиональной точки зрения, дура!

Лена разделась.

- Тело у тебя шикарное, – сказал он, покрутив ее и даже пощупав за бедра. – Гетеросексуальным кобелям как раз такие сучки нравятся... В соку. Танцевать умеешь?

- Да.

- Насколько хорошо?

- Ходила пять лет в кружок народных танцев.

- Хочешь зарабатывать в пять раз больше?

- Чем? – Лена напряглась.

При клубе проститутки тусовались. Все были в доле с Ленчиком.

- Танцами, - рявкнул он.

Если закрыть глаза, можно подумать, что с богом-громовержцем Тором разговариваешь.

- И только?

- Там уж как сама захочешь. Никто не принуждает. У нас сразу две девки слились. Одна залетела, вторая под села на кокос, а я зависимых не терплю. Ты ведь ничего не принимаешь?

- Я даже не пробовала.

- Отлично. Так что, согласна?

- У меня, наверное, не получится.

- Иди к маме Боре. Она посмотрит, да или нет.

Мамой Борей называли самую опытную танцовщицу не только клуба... Возможно, России. Она начала выступать еще в девяностых. Под псевдонимом Барбарелла. Была невероятно собою хороша: высока, стройна, белокура, грациозна. Груды пятого размера стояли, как две возведенные боеголовки. Она ими сводила мужчин с ума. Барбарелла благодаря им сколотила состояние. И ей не приходилось даже заниматься с мужчинами сексом. Она демонстрировала их, давала трогать, утыкаться в них лицом, за это платили. Спала же Барбарелла только с девушками.

Она отошла от дел в начале нулевых. И не напоминала о себе десять лет. А когда сделала это, никто ее не узнал. Толстая, рыхлая седая бабенка с короткой стрижкой и расплывшейся грудью десятого размера. Тоже влюбилась не в того человека, спустила многое из того, что смогла заработать своими «боеголовками», и пришла проситься на работу не столько из-за денег... Занять себя нужно было! Отвлечься. И передать опыт.

Танцевать Барбарелла все еще могла. И даже сорок лишних кило этому не мешали, но выглядела она ужасно. И не баба, но и не мужик. Поэтому она и стала мамой Борей и начала готовить девочек к выступлениям.

...Лена ей понравилась. Сказала, сразу виден потенциал.

- Какой? - поинтересовалась девушка.

- Я сиськами брала, ты сможешь жопой. Если научишься ею правильно трясти.

- Тверкать?

- И это тоже. Но лучше хлопать кобелей сразу по морде своими булками.

- Фу.

- Да, приятного мало, но уж если ввязываться, то ради максимальной выгоды. Просто танцевать тоже можно. Не давать себя лапать. Охрана проследит. Но ты выходишь полуголая перед толпой. Тебя мысленно трахают десятки, а то и сотни людей. Так не лучше ли чуть-чуть расширить границы и дать им больше, если это принесет тебе тройную прибыль?

Лена пожала плечами. У нее давно сбились ориентиры. Она продала свою девственность и довольно спокойно это пережила. После Федора у нее было еще трое мужчин: развеселый студент, вун-жених и таксист-философ. Они вызывали именно его, когда возвращались с Катюней со смены. Но подруга шла домой, а Лена оставалась с ним, чтобы поговорить о высоком и заняться сексом. Он до сих пор имеет место быть. Так что опыт есть. Или... пробег? Так что же Елене мешает еще немного расширить границы?

- Я хочу попробовать, - выдала-таки Лена.

- Молодца. И начнем с псевдонима. Я предлагаю Лолу.

Женя Ляпин ненавидел жару. Уже при двадцати трех он потел, а сейчас было под тридцать. Солнце стояло в зените и палило так, что он вымок, будто только из бани вышел, но в одежде. И лицо горело огнем. Не спасала соломенная шляпа с большими полями, как и защитный крем. Но хуже другое – вода нагрелась. Он не подумал перелить ее в термобутылку.

– Здравсьте вам! – услышал Женя слишком бодрый для такого жаркого, располагающего к сиесте дня голос. – Как вы тут?

Он выглянул из ямы, в которой провел полтора часа, и ответил:

– Потихоньку!

В трех метрах от Жени стояла девушка по имени Вика. У нее он и его друг и напарник Леха купили поутру парное молоко. Жила она с мамой и отчимом в деревне Васильки, расположенной в двух километрах от усадьбы князя Филаретова, где они окопались.

– А где Алексей? – спросила барышня. Друг и напарник Жени ей сразу понравился, и она неуклюже с ним заигрывала все то время, что они провели в доме.

– Пошел искать родник или колодец. – Леха тоже свою бутылку на солнце оставил, а хотелось ледяной водицы.

– Не найдет без помощи. Завалило и тот, и другой. Давно он ушел?

– Минут пять назад.

– В каком направлении двинулся? – поинтересовалась она, закрутив головой.

Женя указал.

Вика кивнула и сорвалась с места, чтобы догнать Леху и помочь ему в поисках.

Ляпин же остался в яме. В ней сохранился фундамент разрушенного флигеля. Дубово-каменный. Крепкий, основательный. Надстроить крышу из досок, коробок и полиэтилена, и можно жить. Если бы не дурная слава усадьбы, тут толпа бомжей окопалась бы. Да и в самом доме много мест, где можно укрыться от дождя и ветра.

Женя с Лехой себе уже одно помещение присмотрели. Бывшая каминная, впоследствии кабинет главврача. Там и огонь можно развести, и дым уйдет через трубу, а точнее то, что от нее осталось.

Евгений и Алексей называли себя охотниками за привидениями. Вот так примитивно, по-киношному. Не метафизиками, исследователями пограничных миров, мистиками и, уж конечно, не экстрасенсами. Они «Гост бастерс»! Со своими приборами и верой в то, что когда-нибудь в изобретенную Лехой ловушку попадетсЯ призрак.

Познакомились ребята в кружке «Умелые руки», когда обоим было по восемь. Сдружились не сразу. Очень уж разными оказались. Леха конструировал что-то сложное, зачастую опасное для жизни (воспламеняющееся, рассыпающееся, взрывающееся), а Женя впустую переводил материалы. В кружок его записала мама, чтобы мальчик научился что-нибудь мастерить. Рос он без отца, имел руки-крюки, а ей не хотелось, чтобы ее сын стал мужчиной-неумехой.

Но два года занятий в кружке ни к чему не привели. И Женя перестал туда ходить. Леха тоже, но его просто-напросто выгнали оттуда. Умелые руки пацана соорудили умные мышеловки, реагирующие на движения и включающиеся в определенное время, а именно после того, как заканчиваются занятия. Но кто знал, что их наставник после работы прелюбодействует с преподавательницей кройки и шитья! Леха хотел избавить класс от грызунов, а не нанести повреждения педагогам, вознамерившимся слиться в страстном порыве на столе.

Леха за свое изгнание отомстил. Заложил бомбы-вонючки в урны. А Жека наблюдал за тем, как он это делает, стоя на стреме. Впоследствии он научился «подавать патроны». Они стали командой пакостников. Мстили обидчикам, коих было много. Ни Жеку, ни Леху не любили в их школах ни одноклассники, ни педагоги. Оба чудаковаты, но первый тихий, медлительный, бесконфликтный, второй вечно на взводе, полон идей и презрения к тугодумам. Поначалу Леша считал таковым Женю. Потом понял, что дело не в мозге – в теле. Оно не

поспевает. Как-то они оба участвовали в районной олимпиаде по физике. Решали задачи. Леха выиграл. Но только потому, что смог успеть все расщелкать и записать. А Женя то отвлекался на муху, то ручку закручивал, то слюнями оттирал на пиджаке пятно. Еще и писал медленно, как будто на руке гиря. В итоге занял только третье место, хотя знал решение всех задач, даже дополнительной.

Именно он, Жека, и втянул друга в то дело, которому они посвятили жизнь.

Он очень любил своего дядю, маминого брата. Он был поэтом. В душе. А работал мыловаром. От него всегда пахло цветами. Обычно лилиями. Наверное, это самая стойкая из применяющихся на фабрике отдушек. Дядя любил сидеть в кресле, обитом алым плюшем, закинув одну ногу на подлокотник, а на второй примостить тетрадь и записывать в ней свои стихи. Умер он молодым. Несчастный случай на работе. Упал в огромный чан с раскаленным продуктом, из которого впоследствии производят бруски мыла. Получил ожоги, не совместимые с жизнью, и был похоронен в закрытом гробу.

На девятый день мама устроила поминальный вечер в квартире покойного. Пришли соседи, коллеги, немногочисленные родственники. Когда все закончилось, остались ночевать. Женя проснулся после полуночи, собрался сходить в уборную, как увидел на кресле, обитом красным плюшем, дядю. Он сидел в привычной позе. И пах лилиями. Но ничего не писал, потому что не мог найти ручку. Шарил по столу и растерянно смотрел на племянника. Потом тяжело вздохнул и исчез.

Женя разбудил маму, рассказал ей о том, что наблюдал только что, но она пробормотала: «Тебе это приснилось» – и повернулась на другой бок.

Но мальчик был уверен в том, что видел призрака наяву. И рассказал об этом приятелю. Не сразу, а спустя время. Думал, он его на смех поднимет, но Леха удивил. Оказалось, он верит в существование параллельных миров (что, по его мнению, доказывает квантовая физика) и допускает, что иногда границы между ними стираются.

– Ты видел не призрака, – с важным видом изрек Леха. Взрослых бы он рассмешил, но Женя еще больше заважал друга. – А дядю из параллельной вселенной, где он жив.

- Эх, жаль, что нельзя туда попасть.

- А мы попробуем!

И Леха начал изобретать электронный ключ, открывающий порталы. Но ни одно из изобретений не помогло. Дядя больше не являлся. Хотя иногда, когда Женя ночевал в его квартире, ее наполнял запах лилий.

- Мне не хватает знаний, - признал свое поражение Леха. - Нужно поскорее поступить в институт.

- Тебе только двенадцать.

- Да, но за пару лет я школьную программу осилю. Так что в четырнадцать уже смогу начать получать высшее образование.

Но, увы, план свой он реализовать не смог. Влюбился некстати, забросил учебу и школу окончил только в пятнадцать. Но зато поступил сразу на два факультета - теоретической экспериментальной физики и инженерный. До конца прошел обучение только на первом. И то из-за Жени, который через три года поступил туда же. А если бы не друг, нуждающийся на первых порах в помощи и поддержке, бросил бы Леха университет, поскольку, как сам считал, уже всему научился. Теоретические знания получены, дело за практикой. И стал он мотаться по местам с дурной славой. Домам с привидениями, гиблым болотам, дорогам смерти. Приборы засекали активность, но сам Леха ничего не видел и не чувствовал. Тогда он решил взять с собой Женьку - и все изменилось.

- Ты медиум, друг мой, - тожественно сообщил ему Леха, когда Женя услышал фортепианную музыку в разрушенном, стоящем на отшибе доме. Приборы тоже уловили вибрации. Какую-то пульсацию. Три коротких сигнала, два длинных. Та-та-тарам-папам - это то, что услышал Женя. Тогда как Леха ничегошеньки.

- Мы же в них не верим. Только в науку.

- Термин опошлен аферистами и дураками. Но я определенно верю в людей, способных тоньше чувствовать, видеть скрытое. И этому найдут научное объяснение когда-нибудь.

– Может, мы сделаем это?

– Почему нет? Мы идеальный тандем. Между прочим, ты не просто так услышал фортепиано. В этом доме одно время жил известный в СССР композитор.

– Но игра была неумелой...

– Ты не дал мне закончить. Позволь я это сделаю. Так вот композитор до шестидесяти лет ходил в холостяках, но на седьмом десятке женился. Супруга была младше его, но тоже в возрасте. Поэтому смогла родить только одного ребенка. Девочку. Больную ДЦП. Но отец научил ее играть одним пальцем короткую мелодию. Усаживал на колени, придерживал ей руку, и малышка нажимала на клавиши. Она умерла в шесть лет. Композитор этого не пережил и тоже скончался.

– Откуда ты это знаешь?

– Знакомлюсь с людьми, также интересующимися параллельными мирами. К сожалению, преимущественно это аферисты и дураки (если исключить психов), но и от них можно получить информацию.

...После той ночевки в доме композитора они и нарекли себя охотниками за привидениями. И стали предлагать свои услуги через интернет и знакомых. И заказы поступали, но не часто. Да и оплачивалась работа ребят так себе. С гонорарами всяких там экстрасенсов из ящика не сравнить. Как правило, окупались только текущие расходы. А то и они не покрывались. Поэтому Леха и Женя вынуждены были ходить на работу, приносящую стабильный доход. Они уже стали подумывать о том, чтобы сделать охоту за привидениями своим хобби, как с ними связался Виталий Сергеевич Пименов и предложил лакомый во всех смыслах кусочек... Нет, кусище! Во-первых, исследовать дом с невероятной историей, что уже здорово, во-вторых, Пименов заплатил авансом двадцать тысяч, но обещал еще тридцать, а в-третьих, и это самое вкусное... рассматривал вариант дальнейшего сотрудничества с охотниками на постоянной основе.

И вот они, Леха и Жека, в усадьбе Филаретова занимаются изысканиями. И все им нравится, кроме жары.

Тяжко вздохнув, Ляпин заставил себя вернуться к работе. Но если Леха через пятнадцать минут не вернется, он бросит ее и отправится на поиски ледяной воды сам.

Глава 4

Он представлял ее совсем другой...

Думал увидеть перед собой красотку с умно-порочным лицом. Но Лола оказалась простушкой. Пусть и с хорошей фигурой.

«Ни ума, ни порока, – удивленно крикнул про себя Сема. – Милая, но заурядная мордашка. Возможно, ее очень украшает сценический макияж, но... Виталя и сейчас смотрит на нее если не с восхищением, то с большим приятием. Она определенно ему нравится, а мне ли не знать, что Пименов расположен к дамам, только если у него на них стоит...»

– Здравствуйте, Семен. Рада с вами познакомиться, – проговорила Лола, по-мужски протянув руку для пожатия.

– Взаимно, – отметил он. Ткачев рассмотрел девушку, пока она шла от машины. – Так, значит, вы вдохновитель нашего проекта?

– Нет, я просто...

– Она, она, – оборвал ее Виталя.

Сегодня он был в джинсах и рубашке с закатанными рукавами. Эта одежда шла ему меньше, чем костюм. Но зато он моложе выглядел сейчас.

– Если бы не Лолоша, я вбухал бы папины бабки в какой-нибудь клубец на набережной.

«И правильно бы сделал, потому что надо заниматься тем, в чем разбираешься, – мог бы сказать Сема, но промолчал».

Заинтересовавшись проектом, он стал во всем Пименова поддерживать. Он сомневался в том, что вбуханные в реставрацию усадьбы деньги окупятся, но какое ему до этого дело? Главное, он, Семен Ткачев, реализует наконец себя. А кроме этого, еще и прилично заработает – его гонорар они уже обсудили, а контракт сговорились подписать по возвращении в Москву. Сначала архитектор желал осмотреть объект. Фотографии и спутниковая карта полной картины не дают.

Ехать в усадьбу Сема с Виталей должны были вместе. Но тот, как обычно, проспал, и Ткачев отправился на своей машине. Пименов прибыл спустя два часа. Да не один, а с Лолой. Наверняка из-за нее и не смог вовремя собраться.

Семен снова на нее посмотрел. Нет, все же что-то в ней есть. И не только в фигуре. Рот красивый, в меру пухлый, без гелевых пельменей, глаза большие, серо-зеленые, обрамленные густыми натуральными ресницами, аккуратный подбородок, очень женственный. Простили лицо щечки и широкая переносица. Но при помощи грима это легко корректируется, и хорошо, что девушке хватило ума не перекраивать себя.

– Ты уже осмотрелся? – спросил Виталя.

– Да, – поспешно выпалил Сема, сообразив, что его пристальный взгляд не укрылся от Лолы. – И вынужден тебя огорчить, сносить придется большую часть стен.

– Да они ж крепкие! Там четыре слоя кирпича.

– Он негодный уже. Не везде, но... – Видя, как скисла физиономия Виталя, Семен поспешил его обрадовать: – Зато фундамент в прекрасном состоянии. И я нашел проход в подвал. В нем можно сделать квест-комнату. Или винный погреб, тут по желанию. А еще мы оставим каминную залу. И расширим ее, снеся перегородки.

– Вот с этого и надо было начинать, – проворчал Виталя, но лицом просветлел.

– Я пока тебя ждал, набросал несколько эскизов. Посмотришь? – Он кивнул, и Сема протянул ему альбом. Вообще-то архитекторы давно перешли на графические планшеты, но Ткачеву нравилось рисовать карандашом на бумаге.

– Мне нравится, – вынес вердикт Пименов. – А тебе, Лолоша?

Девушка стояла рядом и тоже поглядывала в альбом.

– В целом да, – ответила она. – Но флигели не должны быть одинаковыми.

На старинных фото они на самом деле были разными по высоте, и их крыши различались. У одного квадратная, у второго – купол.

– Так же красивее. Симметрия гармонична.

– Возможно, но в асимметрии не только своя прелесть, но в нашем случае имеется смысл.

– Какой же?

– В правом флигеле повесилась княжна.

– Которая из...?

– Старшая. Дочка умалишенной. Низкий потолок, мощные балки. Она накинула веревку и вздернулась. После этого Филаретов перестроил флигель. Сделал его выше, а крышу велел соорудить в виде купола. И не повесишься, и форма как у храма, считай, очищает помещение. Но это не помогло...

– Кто-то все же умудрился удавиться? – Сема мог не знать обо всех случаях самоповешения.

– Нет. Но призрак продолжал блуждать по флигелю. И его превратили в складское помещение. Однако, когда особняк стал прибежищем беспризорников, в нем поставили койки, и ребятам являлась женщина с петлей на шее. Они устроили поджог и сбежали. Флигель забросили. А снесли только через полтора десятка лет. Заодно и второй.

– Из-за психов, я помню, – воскликнул Виталя. – Они шастали туда. Чудом выбирались из смиренных рубашек, отвязывались от кроватей, перлись во флигель, там впадали в буйство.

– Для них во втором сделали изолятор. Но в нем им лучше не становилось. Поэтому оба флигеля снесли. А больницу стали называть «Долиной смерти».

– Почему? – поинтересовался Сеня.

– Дохли как мухи психи, – ответил за Лолу Виталя. – И стали сюда свозить тех, от кого избавиться хотели.

– Кто?

– Родственники, как правило, или соседи по коммуналкам. Надоела бабка им, у которой крыша едет, а сердце здоровое. Свезли сюда, она через пару месяцев преставилась, они при наследстве. Или за стеной алкаш живет, а его комната ой как нужна. Подпоили, разозлили, определили в психушку (было отделение для тех, кого «белочка» посетила), и тот же исход.

– Столько пациентов умирало, что их просто закапывали, – взяла-таки слово Лола. – Не то что памятников, даже табличек на могилах не ставили.

Сема передернулся. В какое ужасное место завела его судьба! Но, надо сказать, бродя по руинам, он не почувствовал этого. Бывал он в зданиях (целых и разрушенных), где тебе не по себе. Что-то гнетет. И хочется убраться подальше... Но не тут.

Пока они вели беседу, на тропке, ведущей из березняка, показался мужчина. В соломенной шляпе, больших, похожих на дамские очках, потной рубахе и жилетке, увешанной значками. В одной руке он нес старый транзистор, в другой – мятый эмалированный бидон, из которого торчал куст.

Сема подумал, что перед ним деревенский дурачок – Васильки находились как раз за рощей. Но он ошибся.

– Женек, ты чего такое тащишь? – обратился к «дурачку» Виталя.

– Здрасьте вам, – поприветствовал всех Женек. – Это мята. – Он приподнял бидон. – В чай добавлять. А емкость пригодится для его кипячения.

– А рухлядь на что?

– Раритет, – не согласился с ним Женек. – Таких сейчас не найти. Только в деревнях на чердаках.

– И зачем он тебе?

– Не мне – Лехе. Старые советские транзисторы лучше всех волны ловят, и он из них локаторы мастерит.

Ткачев вопросительно посмотрел на Виталю. Может, он не ошибся и перед ним деревенский дурачок?

Тот усмехнулся. Понял, что Сема думает о чудаке в женских очках (теперь это стало очевидным) и с транзистором.

– Знакомьтесь, девочки, мальчики, это Женя, – представил его Виталья. – Он охотник за привидениями.

Семен не смог сдержаться, рассмеялся.

– Зря ржешь, – сердито буркнул Пименов. – Они с Лехой-напарником зафиксировали около сотни случаев паранормальной активности. То есть не просто стали свидетелями, а получили доказательства этому.

– Это здорово. И какие?

И обратился он непосредственно к Евгению.

– Есть записи, фотографии. Целый архив. Могу показать.

– И ни одного привидения? – кисло улыбнулся Семен. – Вот на него посмотрел бы.

– Эта возможность тебе представится, – с достоинством ответил ему Женя. Он не обиделся. Привык, видимо, к тому, что его всерьез не воспринимают. А когда снял очки, чтобы утереться, оказалось, что у него очень умные и живые темно-карие глаза.

– Сегодня полнолуние, и мы ждем гостей с того света.

– Сегодня? – встrepенулcя Виталя.

– Да. Поэтому мы с Лехой и приехали сегодня. Пришлось отгулы взять на работе.

– Кстати, где он?

– В деревне остался. Там девушка...

– Эй, я вас нанял, ребятки. Так что первым делом самолеты... – Как бы ни протестовал мальчик Виталя против просмотра советских фильмов, но все же сюжеты, образы, цитаты врезались в его память.

– Ты не дал мне договорить. Там девушка печет для нас пироги. Леха ждет, когда поспеют.

– Как ее зовут? – любопытствовала Лола.

– Вика.

– Неплохо знаю ее. Стряпуха отменная. И молоко их корова дает удивительно вкусное.

– Да, но... – Он сконфузился. – На желудке потом как-то не очень было.

– Пронесло, что ли? – хохотнул Виталя. – Так это с непривычки. Мы, городские, пьем порошок. А тут настоящее. А теперь скажи, Женек, в какие кусты лучше не ходить?

Евгений стал что-то лепетать, еще больше смутившись, но Лола позвала всех в гости. В доме туалет, пусть и необорудованный, имеется летний душ, кровати, если кто захочет отдохнуть, чай, кофе...

- А наливка осталась? - встрепенулся Виталя.

- Наверное. Но ты же за рулем.

- Я остаюсь. Сегодня же полнолуние. А ты, Сема? - Он хлопнул Ткачева по спине.

- Как я такое пропущу.

- Вот и отлично. Тогда погнали в Васильки. Женек, ты с нами?

Тот, поморщившись, потрогал живот и закивал.

Лола жила в дивном доме. Ветхом, запущенном, но все равно красивом. Но, скорее всего, он сохранил старославянскую прелесть в виде наличников и чердака-скворечника именно потому, что не обновлялся. Такие избы люди кирпичом обносят или сайдингом, и они теряют свой колорит.

- Твои предки были зажиточными? - спросил у Лолы Семен, зайдя в просторные сени.

- Прабабушка рассказывала мне, что ее мать была в тесных отношениях с князем Филаретовым.

- Последним хозяином? - припомнил рассказ Витали Ткачев. - Тем, что себе пулю в лоб пустил?

- Да.

- Но он же был стариком.

– Скончался в шестьдесят семь. А с моей прародительницей он раньше, как сейчас говорят, «мутил». Но если не в деда, то во взрослые отцы ей все же годился. Когда их роман закончился, князь ей дом выстроил, приданое справил хорошее, а лучше этого всего – отправил в Калугу учиться. Там она мужа и нашла. С ним вернулась в деревню, стала училкой, родила дочь. Увы, только ее. Через шесть выкидышей прошла. Кто-то поговаривал, что это из-за проклятия княжеского дома. Он и сам сколько детей потерял, но уже рожденных. А это даже страшнее...

– Пименов рассказывал, я знаю.

– Лолоша! – донесся зычный голос Витали. – А маманя твоя где?

– На море уехала. Я ей автобусный тур подарила.

– Какой тур? – не понял Пименов. Они уже прошли в комнату и увидели его распластавшимся на кровати. – Автобусный? На море? Разве такие бывают? – Где ему было знать? Он даже по городу никогда не ездил на маршрутках.

– Наливка в подполе. Хочешь – доставай.

Она не особо с ним церемонилась. Была вежлива, доброжелательна, смеялась над шутками, ласково прикасалась и позволяла поглаживать свои прекрасные ягодички, но не заискивала и не сюсюкала...

Молодец.

Лола все больше нравилась Семену.

Через полчаса они всей компанией сидели в саду под старой яблоней, которая давно не плодоносила, но создавала тень. На столе, покрытом потрескавшейся и выгоревшей клеенкой, стояла сладкая настойка, и она же, разведенная до крепости вина, но уже в графине, а не в бутылке; дымились пироги с капустой, картошкой, консервами, радовала глаз снятая с куста клубника – ее тоже принесла Вика.

Вокруг сидели люди – Лола, Виталя, Сема, Женя, второй охотник за привидениями Леха, его деревенская пассия и весьма колоритный кадр по имени (или кличке) Фил. Он прибил к компании случайно. Проходил мимо, увидел незнакомых людей, заговорил, а уже принявший на грудь Пименов пригласил его к столу. Именно в этом состоянии Виталя заводил друзей. Пироги пошли на ура! Давно Сема не ел таких. Алкоголь пить не стал. Как и Женя. Леша с Лолой винишком баловались. Остальные наливкой, пока Фил не сбегал за самогоном, выклянчив у Пименова пятьсот рублей.

– Зря ты дал ему деньги, – покачала головой Вика. Очень милая девушка, хоть и излишне пышная. Пока ее двадцатилетнее тело выглядело пристойно, но через пять-семь лет оно поплывет, как раскисшее тесто. – На них он себе купит два литра первака и будет до конца недели куролесить.

– Не, Фил – нормальный чувак. Он не подведет. Сказал, самогонки на хрену принесет, значит, принесет. Кстати, почему его так зовут?

– Полное имя Филарет, – пояснила Лола. – Его предки конюхами у княжеской династии работали. И старших сыновей называли одинаково: Филаретами. Баре наши померли давно, но семейная традиция жила еще несколько десятилетий.

– А сколько ему?

– Точно не знаю. Тридцать восемь? Максимум сорок.

– Не может быть, – выдохнул Виталя. Филу на вид было не меньше пятидесяти пяти. – Да, ясно, что пьет, за собой не следит, но у него глаза старика.

И Сема с ним согласился. У Виталя глаза тоже были усталыми. Но, когда он выпивал, загорались. У Фила же оставались безжизненными. Лицо ходуном ходило: он гримасничал, ржал, широко распахнув рот, длинным носом шевелил активно, когда нюхал что-то. Но глаза при этом оставались неподвижными, тусклыми. Как у куклы... Или мертвой рыбы?

– История Фила печальна, – взяла слово Лола. – Мать его в психушке работала. Поваром. Воровала, естественно. Мальчик помогал. Она украдет пару банок тушенки, в условленном месте под забором закопает, он отроет и домой их утащит. Зарплаты тогда задерживали или вовсе не платили, и это, можно

сказать, была вынужденная мера. Когда больницу закрыли, охрана еще месяц дежурила. Оставалось кое-какое оборудование, мебель, чтобы не разворовали, приглядывали за зданием. А мать Филя не все успела вынести. Впрямь брала, зная, что вскоре прикроют их лавочку. И Фил решил пробраться на территорию через лаз под забором, чтобы остатки провианта спасти. Но когда попал в здание, охрана с обходом пошла. Он спрятался в одной из комнат. А когда попытался выйти, оказалось, что его заперли. И бедный мальчик просидел в доме всю ночь. Наверное, он кричал и звал на помощь, но его не слышали. Обнаружили Филя те же охранники поутру. И у него были совершенно пустые глаза. Такие, как сейчас. А еще седая прядь на челке. Сейчас он лысый, но я помню его парнем, и она на самом деле была. Что видел и слышал мальчик в ту ночь в особняке Филаретова, никто не знает. Он онемел.

- Очень смешно. Фил еще тот балабол.

- Он не разговаривал до двадцати лет.

- С чего его потом прорвало?

- С водки. Напоили ребята деревенские, и он начал говорить. Но и пить... С тех пор. Водка заглушает страшные воспоминания. Какие - никто не знает. Потому что, когда чуть под хмелем, не решается рассказать, а напившись, бормочет что-то нечленораздельное.

- Загипнотизировать бы его, - задумчиво проговорил Евгений. Он выглядел отстраненным, и Сема думал, он пропускает мимо ушей их разговор, а витает где-то в облаках. И в который уже раз ошибся на его счет. - И ответы на вопросы получили бы, и человеку помогли. При помощи гипноза можно благотворно повлиять на психику человека.

- Слушай, мысль, - поддакнул ему Алексей. Они были очень разными, что по внешности, что по темпераменту, что по энергетике, но идеально друг с другом... сочетались? Нет, к людям такого не применишь. Они же не вещи: тужельки и сумочка, диван и столик, чашка и блюдце... Хотя? Почему нет? Женя и Леша как раз были как чашка и блюдце одной чайной пары.

- Давай завтра вызовем Германа? - И остальным: - Это наш знакомый, который отлично владеет гипнозом. Даже меня умудрился (пусть на несколько секунд)

отключить от реальности. Он немного повернутый, но не опасный. И ему даже платить не надо. Еще и благодарить будет за то, что мы его с Филом познакомим.

– А вот и он! – восторженно воскликнул Виталя, который допил и свою настойку, и остатки вина. – Успешно сходил, друг мой?

Фил выпростал руку с литровой бутылкой, наполненной мутной жидкостью, и заулыбался. Через минуту пьянка продолжилась. В ней приняли участие все, кроме Семы и Жени. Даже девушки не побрезговали самогоном, от которого у Витали глаза на лоб полезли. Пусть по чуточке, но они отпивали пятидесятиградусную хреновуху. А Ткачев баловал себя чаем и ждал темноты. Ему не терпелось оказаться в усадьбе в полнолуние.

Глава 6

Жека шел, поддерживая Леху.

Виталя и Фил цеплялись друг за друга, и было неясно, кто для кого является опорой. Вылакали они дикое количество алкоголя. За первой литрушкой последовала вторая. А еще одну они взяли с собой.

Семен замыкал процессию.

Девушки остались в Васильках. Лола сразу отказалась ночевать в гиблом месте, а Вика рвалась. Но Филарет рявкнул: «Никаких баб!» – и Виталий с ним согласился, мотнув головой.

Женя был не рад компании. Тем более такой, шумной и пьяной. Предполагалось, что они с Лехой проведут ночь полнолуния вдвоем. Они все спланировали, расставили аппаратуру, спальники на пол бросили. Отдыхать намеревались по очереди. Будить друг друга, если Женя или аппаратура на что-то среагирует.

– Фил, я тя уважаю, – донесся голос Виталия. – Ты такой смелый!

- Не, я хитрый, - ответил ему Филарет и захихикал.

Он уже плохо говорил, половину букв проглатывал.

- Ты о бабках, что ли? Так я бы тебе больше дал! - Пименов сунул Филу три тысячи за то, чтобы он проводил их в усадьбу.

Семен предлагал отвезти всех на машине, но интереснее же переться через лес.

- Бабки - пыль!

- В твоем случае - жидкость, - расхохотался Пименов. - Спиртосодержащая.

- Пофиг. Я почти тридцать лет хотел... Нет, не хотел, но планировал вернуться в проклятый дом ночью... Днем ходил. Не то. Даже вечером. Но как луна выходила, я все - руки в брюки и деру... - Он споткнулся о пень, едва не упал, но Виталий поддержал. Все же был трезвее. - Страшно до жути, понимаешь?

- Неа.

- Ты просто не знаешь, что там творится.

- Я? Ха! В полнолуние ночевал... Один.

- Когда?

- Недавно.

- Ага. В развалинах. Ты мог убежать. А я был заперт. На окнах решетки, двери на замках...

- Так чего ты видел там? Я про привидение.

- Не описать. - Фил оттолкнул Виталю. Взялся за пузырь. Заглотив самогона, он продолжил: - В округе все боятся усадьбы Филаретова. Никто не суется. А вы, городские, глупые. Претесь. А я с вами. Если что, кого-то из вас отдам на

растерзание... А они придут... Меня пометили...

Это были последние более-менее связные слова, произнесенные Филом. Он шел, при этом отлично ориентируясь в пространстве, похлебывал самогон, но что извергал его рот, было похоже на лепет умственно отсталого ребенка.

– Зачем ты потащил его с нами, Виталий? – обратился к Пименову Женя. Он все больше раздражался. Хозяин, конечно, барин, но они с Лешей серьезным делом занимаются, а он сам влез, помешав им в этом, напарника напоил, притащил с собой деревенского дурачка, да еще скептика с кислой миной. Семен категорически ему не нравился, даже несмотря на то, что он был самым адекватным изо всех.

– «Титаник» смотрел?

– В детстве. И краем глаза.

– Ну! Вот Фил, как та бабуля из фильма. Очевидец событий. Только мистических. А еще он просто угарный.

– Мы не угорать идем в особняк.

– Ой, да не нуди, – отмахнулся от него Виталий и заторопился за угарным очевидцем, чтобы отобрать у него бутылку.

– Всех привидений перепугаем, – услышал Женя голос архитектора. Никак не может без издевки.

– Их не существует, – через плечо бросил Ляпин.

– Тогда за кем вы охотитесь? – И напел известную всем мелодию «Гост бастерс» из фильма, на котором выросло уже два поколения детей. Если не три.

– Мы называем себя «охотниками за привидениями» шутки ради. Это же очевидно.

– Не совсем.

– Таким узкомыслящим людям, как ты, конечно. Но хотя бы для общего развития почитай работы Эйнштейна.

И прибавил шагу, чтобы последнее слово оставить за собой.

Через несколько минут вся компания ввалилась в разрушенное здание. Женя при себе имел фонарь, но не стал его включать. Луна еще не налилась, но уже давала достаточно света. Даже пьяные смогли дойти до каминной залы. Виталий тут же плюхнулся на спальник Жени, Леша на свой. Фил брякнулся на голый пол. А Семен, попросив фонарик, ушел бродить по развалинам.

Вернулся он минут через пятнадцать. К этому времени Леша и Виталий отрубались. А Женя разжег костерок и поставил на огонь воду.

– С этим что? – спросил Семен, указав на Фила. Тот сидел неподвижно, только глазами вращал. – Впал в транс?

– Сам узнай. Пока он не бьется в судорогах и не плюется пеной, я буду считать, что все в норме.

Семен подошел к Филу, присел на корточки рядом с ним.

Женя отметил, что его пижонские кеды все в грязи. Ярко-желтые, на белой подошве. Надо же было так вырядиться, отправляясь в деревню.

– Эй, братан, ты как? – обратился к Филу Семен. – Если фигово, хоть мигни.

– Иди ты на... – И так отчетливо прозвучало каждое слово, особенно последнее, будто еще десять минут назад Фил не превращал их в кашу.

– Понял, не мешаю.

Ткачев прихватил из своей машины надувной матрас с качком и плед, и взялся за обустройство своего ложа. Без спального места один Женя остался. Но он планировал разбудить Леху часа через четыре. А пока можно посидеть на сумке.

- Жень, можно вопрос? – снова заговорил Семен.

- Валяй.

- Ты чувствуешь негативную энергетику этого места?

- Нет.

- Я тоже.

- А ты разве веришь в эту ерунду? – теперь уже Женя не мог сдержать издевки.

- В эту – да. Шелинг сказал, архитектура – это застывшая музыка. И я с ним согласен. Я так же отношусь к зданиям, как скрипачи или пианисты к произведениям... Чувствую их.

- Энергетика к архитектуре никакого отношения не имеет, – фыркнул Женя. – Сооружение напитывается ею потом. Даже тюрьмы до того, как их заполняют заключенные, просто строения.

Семен собирался вступить в полемику. Он подался вперед, выставил палец, открыл рот, но... Замер. Не сразу Женя понял, почему. Но тут услышал тихое завывание. То ли скулеж, то ли плач.

- Мне не чудится? – шепотом спросил Ткачев.

Женя покачал головой.

- Щенок забрался? Не ребенок же...

- Это ОНА пришла, – просипел Фил.

- Кто?

- Женщина в белом.

- Хорошо, что не «белочка», - пробурчал себе под нос Женя. - А кто она?

- Покойница с удавкой. Горло у нее сломано, вот такие звуки и издает.

- Ты уже сталкивался с ней?

- Я видел всех... В ту ночь. Они будто на шабаш слетелись.

- Они?

- Призраки. Моя невинная детская душа притягивала их. Они кружили... И обдавали меня своим ледяным дыханием.

Звук повторился. Ляпин пошел на него. Сема следом двинулся. Ему было не страшно. Он все еще был уверен, что это щенок скулит. Забрался в дом, застрял лапкой в какой-нибудь расщелине и просит помощи у людей, чьи голоса услышал.

- Идите, идите, глупцы... - бормотал им вслед Фил. - Ищите смерти. Женщина в белом приведет вас к ней.

- Ты ее видишь? - обернувшись, спросил у него Сема.

- Она не тут, а там, - и дернул головой, но в какую сторону, неясно, потому что она затряслась на тонкой шее, как у болванчика.

- Я не чувствую постороннего присутствия, - сказал Женя. - Но у меня не всегда это получается. Настроиться надо. А как тут...? - Он наморщил нос. - Когда психи, пьяные и скептики окружают тебя.

- Мне уйти? Ок.

И вернулся на свой матрас.

Ляпин же пошел дальше. Вскоре он скрылся в темноте.

Семен лег, укрылся пледом. Закрыв глаза. Но, полежав минут пять, открыл их. Женя не возвращался, и это беспокоило. Да и Фил был подозрительно тих. Уж не умер ли? Но нет.

Сема встал, проверил, дышит ли... Дышал! И спал себе преспокойненько. Причем не храпел в отличие от Витали. Этот такие рулады выдавал, что были бы стены потоньше, задрожали бы.

Ткачев уже собрался отправиться на поиски пропавшего охотника за привидениями, как он заявил о себе возгласом:

- Звуки аппаратура записала. Но я не понял, откуда они идут.

- Они вскоре оборвались? - поинтересовался Сема у возникшего в дверном проеме (точнее, провале) Жеки.

- Ага. Я дошел до библиотеки, где замечена самая большая паранормальная активность, но ничего не услышал... И не увидел. Хотя луна уже налилась.

- А ты поискал щенка?

- Если тебе надо, иди, ищи. Я не Гринпис.

- И пойду.

Отобрав фонарь у Ляпина, Сема отправился на поиски раненого животного, но как его найти, если не по скулежу? Издох, наверное, бедный.

Вернувшись в каминную залу, он угнездился на матрасе, но не стал вытягиваться на нем. Край отдал Ляпину. Пусть хотя бы посидит на мягком.

- Такая дивная ночь испорчена, - сокрушенно проговорил Жека, и, если бы он завыл на полную луну, Сема не удивился бы.

- Подожди, она только вступает в свои права.

- Нет, сегодня точно ничего не случится.

И принялся за чай. А Сема закрыл глаза и мгновенно уснул...

«Охотник за привидениями» Жека Ляпин на страже – значит, бояться нечего.

Часть вторая

Глава 1

Елена стояла под душем, дрожа от холода. Вода в баке за ночь остыла, и мылась она холодной. Да еще и сэкономила ее, потому что надо волосы привести в порядок: они длинные, и расход жидкости большой, а емкость среднего размера.

Лена пустила воду тонкой струйкой, и мытье заняло минут десять. За это время она окоченела. В жаркий день принять ледяной душ – прекрасно, но не ранним утром. Выйдя из душа в двух полотенцах, намотанных на тело и голову, побежала в дом. Там натянула на себя махровый халат, сверху накинула шаль и тут же поставила чайник.

Пока он грелся, Лена убрала постель и позвонила маме. Та не ответила.

Мария Константиновна обижалась на дочь. И наказывала ее молчанием. Яблоком раздора стал Тофик. Мужчина, из-за которого женщина не села в автобус Новороссийск-Калуга. Осталась в Кабардинке, где этот самый Тофик имел кафе и гостиницу. Между ним и Марией пробежала такая мощная искра, что уже на четвертый день они решили пожениться.

- Mam, ты опять за свое? – взывала Лена.

- Да, я полюбила снова. И что?

- Ты повелась на рассказы. Гостиница своя? Кафе? Он же врет тебе. Как все мужики до него. А ты ведешься... Нет у него ничего, гол как сокол.

- Я живу в гостинице вместе с ним, мы кушаем в кафе. Это не виртуальное знакомство - реальное.

- Ты документы собственника видела? Он там работает, в лучшем случае администратором. Или просто является братом владельца.

- Даже если так, пусть. Я с ним счастлива.

- Это замечательно. Только умоляю, не беги в банк за кредитом, если у Тофика возникнут финансовые проблемы и он попросит твоей помощи в их решении.

- Ты до гробовой доски будешь меня попрекать?

- Мама, я предупреждаю, а не...

Но Мария Константиновна уже бросила трубку.

А сейчас не подняла. Обиделась.

Тяжко вздохнув, Лена стала заваривать чай. Она, быть может, не права и Тофик на самом деле человек достойный, но с маминым везением...

Подружка Катюня называла таких, как Мария Константиновна, магнитом для уродов. Считала, что на ней своего рода проклятие. Может, и так. Но обжегшийся на молоке на воду дует. Мама же ничем на своих ошибках не учится. Что, если потому, что расхлебывает за нее дочка?

- Больше я ее долги на себя не повешу, - сказала себе Лена. - Хватит...

С чашкой чая она вышла во двор. Машины Витали и Семы стояли за забором. Огромная черная Пименова, двухдверная золотистая Ткачева. Бывшие коллеги Лены, танцовщицы, зубоскалили на тему гиперкомпенсации, намекая на то, что чем больше у мужчины тачка, тем меньше детородный орган. И все требовали от Лены подтверждения этому. Она такие темы с товарками не обсуждала.

Про себя же отвечала: «Нет, это неправда».

У Витали все было хорошо с размерами. С потенцией не очень, но это, быть может, и хорошо. Лена не хотела Виталю и радовалась, когда они не занимались сексом, а просто спали в обнимку. Поскольку он обычно бывал пьян и утром не мог ничего вспомнить, она рассказывала, как долго и жестко он «любил» ее накануне, и сегодня у нее все болит, так что придется воздержаться...

Он не был ей отвратителен. Даже чем-то нравился. Но Сема...

В него она влюбилась с первого взгляда!

Сердечко екнуло при мысли о нем. Бывают же на свете такие мужчины, в которых сочетаются и привлекательность, и ум, и талант, и спокойный нрав.

Лена представляла его другим. Виталя, пока ехали в Калужскую область, рассказывал о Ткачеве. И Лена ожидала увидеть перед собой страшенького ушана в чудаковатом прикиде, обиженного на жизнь, нервного, язвительного... и почему-то шепелявого. Но Сема оказался очень симпатичным, темноглазым, густоволосым, с хорошей фигурой мужчиной, одетым небрежно, но модно и уместно (если не считать обуви – для деревни она не подходила). Ткачев говорил спокойно и чисто. Вел себя со всеми ровно, доброжелательно. А если язвил, то самую малость.

Сема тоже носил бородку. Сейчас это модно. Но она не была холеной, как у Витали. И волосы не знали укладки. Их стригли где-то раз в три месяца. Но мыли регулярно: они блестели, выглядели здоровыми... В них очень хотелось запустить пальчики... Во время поцелуя...

Чтобы не дать своим сексуальным фантазиям разыграться, Лена переключила свое внимание на дом. Она давно собиралась заняться его ремонтом. Не капитальным – на это она никогда не найдет денег, а хотя бы косметическим. Покрасить его хотя бы и крыльцо выправить, а то покосилось. Но даже на это средств не хватало. А откуда им взяться, если то один кредит выплачиваешь, то другой?

Виталья мог бы решить финансовые проблемы Лены. Не взять ее на содержание, а дать возможность заработать самой. То есть не накормить рыбой, а научить ее ловить и снабдить удочкой. Она пока не говорила Пименову о том, что хочет заниматься его проектом. Ждала, что сам предложит.

- Лена, стой! - услышала она оклик, уже собираясь вернуться в дом.

Обернувшись, увидела Вику. Она была в ситцевом халате на голое тело. Любители рубенсовских форм изошлись бы слюной при виде ее, Лена же подумала, что это не совсем прилично - давать свободу столь пышным формам.

- Доброе утро, Вика.

- Ох, недоброе оно...

- Что случилось?

- Проклятый дом забрал еще одну душу, - свистящим шепотом проговорила она.

- Кто-то умер в развалинах?

- Да! - И прошла через калитку на территорию двора. Халат распахивался, Вика его не на все пуговицы застегнула, и было видно очень много. Больше, чем у танцовщиц гоу-гоу. Лене хотелось попросить, чтоб прикрыла срам, но она промолчала. - Фил преставился.

- Откуда знаешь?

- Леша звонил, сообщил. Ребята полицию вызвали. Пока она не приехала.

- Как он умер?

- То ли упал и расшибся. То ли ему на голову что-то рухнуло. Череп пробит.

- Бедняга Фил.

- Тебе не кажется, что нам нужно пойти в усадьбу?

- Зачем?

- Полиции не помешают наши показания. Мы его знаем давно, и вчера все вместе провели вечер...

- Скажи лучше, тебе любопытно.

- И это тоже, - не стала спорить Вика. - Так что, идем?

- Да. Только переодеться надо.

- Иди, я подожду.

- Не только мне, но и тебе.

- Ой, да, в халате как-то не комильфо.

- Без белья тоже.

Но Вика, очевидно, так не считала. Когда она вернулась через десять минут уже в джинсовой юбке и майке, на ней по-прежнему не было лифчика.

- А тебе Виталья не звонил? - спросила девушка, когда они вышли со двора и направились к березняку.

- Нет.

- Странные у вас отношения.

- Если то, что между нами происходит, можно ими назвать.

- Ты хочешь за него замуж?

- Конечно, нет. Я же не клиническая идиотка.

- А я думала, ты планируешь его заарканить. Богатый же.

Лена промолчала. Для деревенской девчонки Виталя – просто сказочный принц. Как бы ей ни нравился охотник за привидениями Алексей, она пыталась строить глазки Пименову. И его это забавляло поначалу. Но когда к ним появился Фил, он переключил свое внимание на него.

- А как тебе Семен? – не отставала Вика.

- Приятный парень, – ответила Лена сдержано. – Умница. И глаза красивые.

- Ты ему нравишься.

- Брось.

- Я тебе говорю! Весь вечер украдкой на тебя поглядывал.

Слышать это было приятно.

Лене и самой казалось, что Семен обращал на нее больше внимания, чем на остальных, но решила, что она принимает желаемое за действительное.

В кармане старых, давно вышедших из моды, но все еще крепких джинсов, хранимых в деревне, затрезвонил мобильный. Лена достала его, глянула на экран.

- Виталя, – ответила она на вопросительный взгляд Вики и приняла вызов.

- Лолоша, салют, – он продолжал называть ее так, хотя знал настоящее имя. – Ты не поверишь, что случилось.

- Фил умер, я в курсе.

- Да это ладно. Главное - камера охотников зафиксировала призрака. У нас есть пятисекундная запись. На ней нечто перемещается по помещению, пока не проходит через стену.

- Проходит через стену? - переспросила Лена.

- Или растворяется в воздухе. Короче, исчезает.

- Ты был этому свидетелем?

- Я же тебе говорю - камера зафиксировала. Мы все спали в это время.

- Мы с Викторией идем к вам, покажешь.

- Черт, идешь, да? Я надеялся, ты приедешь на моей тачке. Ключи в сумке, а она у тебя дома осталась.

- Я не умею водить.

- Надо будет тебя научить. Ты скоро?

- Мы уже вышли из березняка. Через пять минут. Полиция еще не приехала?

- Не, ждем. А вы пожрать ничего не захватили?

- Нет.

- Хотя бы попить? - с надеждой спросил он.

Похмелье, сушняк. Жаль, что Лена не подумала об этом и не догадалась налить в пластиковую бутылку воды. В усадьбе с ней напряженка.

- Вика несет вам парное молоко.

- Терпеть его не могу.

И бросил трубку. Для Витали это было в порядке вещей – обрывать разговор. Как и не звонить, чтобы справиться, как дела.

Лена неделю назад грипповала. Лежала с температурой тридцать восемь. Виталя знал о ее болезни, поскольку из-за вируса она не смогла поехать с ним в загородный клуб. Пименов расстроился и как будто обиделся. Лена нарушила его планы! И за неделю ни разу не позвонил. Он не подумал о том, что ей нужны лекарства, витамин С, простое участие, наконец. Просто забыл о ней на время. Вспомнил только позавчера, когда собрался ехать в усадьбу Филаретова. Лена как раз успела выздороветь.

Когда девушки подошли к особняку, то увидели мужчин. Они сидели в теньке и жевали щавель. Тут его много росло.

– А пить уже не так сильно хочется, – сказал Виталя, сплюнув зеленую кашу. – Леха ты спас меня.

– Скорее всех нас, – ответил тот и передал Пименову еще один пучок щавеля. – От твоих стонов.

– Привет, девочки, – первым увидел Вику с Леной Женя.

Те поздоровались в ответ. А Леша еще и на ноги вскочил. Чмокнув Вику в щеку, взял у нее бидон и сделал несколько жадных глотков молока. Удовлетворенно крякнув, передал емкость сидящему рядом Семену. Он тоже попил. Как и Женя. Только Виталя скривился и отвернул помятое с перепоя лицо. Но дулся недолго. Пименову не терпелось продемонстрировать Лене записи с камеры, и он откликнулся на первую же ее просьбу показать их.

Все пошли в дом. Леша включил фотоаппарат (или нечто, похожее на него) на штативе. На экране появилась запись.

– Ой, мамочки, – пискнула Вика, увидев парящую белую фигуру. Она тускло светилась в темноте. – Это же Елена!

Мужчины, не сговариваясь, посмотрели на девушку, стоящую рядом.

– Она не обо мне, – успокоила их Лена. – О княжне-висельнице. Она чаще других является. И только Елена в белом. Девственной умерла. Ее хоронили в шикарном саване, похожем на свадебный наряд. С покрывалом на лице – оно посинело, раздулось, сами понимаете...

– А еще только она издает звуки, – снова вступила в беседу Вика. – Вы слушали скулеж?

– Да, и не на записи, а в реальном времени, – ответил ей Женя. – И Фил сразу определил, что это женщина в белом. А до этого сказал – этой ночью призраки кого-то заберут.

– И сам оказался их жертвой, – ахнула Вика.

– Он стал жертвой болезни под названием алкоголизм, – сердито проговорил Семен. До этого он помалкивал, даже здоровался и благодарил за молоко кивком головы. – Мне очень Филарета жаль. Мальчиком он пережил стресс, проведя ночь в заброшенном дурдоме. Мать его к докторам не отвезла, и ему ничего не осталось, как начать пить. Можно сказать, не по своей воле человек превратился в алкаша. Но это случилось. И Фил погиб. Упал, пьяный, расшибся. Это нормально для людей, ведущих подобный образ жизни. Так что давайте не будем о призраках...

– Ты же видел запись, – напомнил ему Виталья.

– Я этих охотников за привидениями первый раз вижу. Может, они как братья Гримм из одноименного фильма. Смотрел? Нет? Рекомендую. Там братцы-сказочники берутся за изгнание всякой нечисти, которую изображают нанятые ими люди.

– Ты намекаешь на то, что мы шарлатаны? – разгневался Алексей.

– Не исключаю этого. Виталья же платит вам, а нет результата – нет гонорара.

– Мы уже получили аванс. А если бы мы фокусничали, то больше бы на спецэффекты тратили, чем зарабатывали.

– Бла-бла-бла! – Семен отмахнулся от Лехи. – Меня это вообще не колышет. Я архитектор, желающий превратить эти развалины в шикарный особняк. А с призраками сами разбирайтесь...

– К чему ты ведешь, Сема? – обратился к нему Пименов.

– Скоро сюда явится полиция. Нас всех будут опрашивать. И если кто-то начнет нести ахинею о призраках... А не дай бог, показывать записи... Ребят, мы еще долго не начнем тут работы, понимаете?

– Нет. – Виталя с похмелья соображал особенно туго.

– Если особняк станет местом преступления, нам не дадут тут развернуться, пока не закроют дело. Я же хотел бы приступить к работам в ближайшие дни. Поэтому предлагаю договориться и выдать одинаковую версию. Мою адекватную, а не вашу бредовую.

– А ты прав, лишнего лучше не болтать.

– И записи не показывать, – закивал Женя. – Аппаратуру изымут, чтобы просмотреть их, а когда отдадут? Если вообще это сделают? Вдруг сломают или потеряют?

– Надо убирать ее и прятать, пока не поздно, – вскричал Леша и сорвался с места. – Жека, чехли эту зеркалку, я за другим оборудованием.

– А давайте вообще все соберем? – предложил Семен. – Как будто мы тут не ночевали? – И уже конкретно Виталию: – Скажем, пришли утром, обнаружили тело. Охотников отправим в Васильки вместе с пожитками. Вику тоже. Останемся тут втроем, ты, я, Лена.

– Кто-то мог видеть, как мы идем в усадьбу ночью, – с сомнением протянул Пименов. – Зачем врать, если можно просто утаить кое-что?

– Ты хочешь сообщить полиции, что мы тут ночевали? Резонный вопрос – зачем? И тут всплывает тема призраков и тянет за собой остальное.

- Мы скажем, что щекотали себе нервы, ночуя в доме, где якобы водятся привидения. Но напились, отрубались, а когда продрали глаза, оказалось, что наш проводник мертв.

- Тогда мы все можем стать подозреваемыми - мало ли что произошло по синьке. Но ты кандидат номер один на роль убийцы.

- Да?

- Ты все еще полупьяный. Леха более-менее. Мы с Женей не пили, и анализ крови, если что, это покажет. Тебя, Виталя, задергают. Да, ты, конечно, можешь дать денег или обратиться к папе, но зачем...? Не легче ли солгать?

- А раньше нельзя было об этом подумать? До того, как вызвать ментов?

- Умная мысль приходит опосля. Народная поговорка.

Не прошло и пяти минут, как пожитки были собраны, и охотники за привидениями вместе с Викторией покинули усадьбу.

Перед тем как уйти, Женя, задумчиво взглянув на Семена, сказал:

- Ведешь себя так, будто жизнь у Фила отняли не призраки, а ты...

Ткачев закатил глаза, но промолчал.

И когда троица скрылась среди березняка, на дороге, ведущей к усадьбе показалась «буханка» с неработающей мигалкой. Это прибыла полиция.

Глава 2

Женя пил чай в саду. Думал сесть за стол, за которым они все вчера трапезничали, но клеенку не удосужились помыть, и он расположился на завалинке.

Леху сманила Вика, и он был один.

Благо девушка впустила его в чужой дом (достала ключ из-под коврика), показала, где что взять. Женя согрел воды, заварил чаю, подсластил его и предался удовольствию. Заварка была дешевой. Ляпин такую не покупал никогда. Веники. Но чай, который он пил в Васильках, оказывался особенным на вкус. И никакого секретного ингредиента, просто отличная вода. В городе такой нет. Даже за хорошие деньги.

Женя заварил себе в ковше, чтобы не на раз, но выдул чай минут за десять. Сходил в дом, сделал себе еще. А также прихватил тряпку, чтобы клеенку протереть. Уже хотелось есть.

Ляпин нашел остатки пирога, можно сказать, корки. Но и они сойдут. Вареньем намазать если, будет вообще классно. Под ароматный чаек особенно.

- Здравствуй, Евгений, - услышал Ляпин женский голос и едва не подавился пирогом.

Неужели ОНА???

Такого не может быть! Эта женщина ушла из его жизни год назад, но это ладно... Она уехала из России. Но даже если вернулась, в Калужской области ей вообще нечего делать. Какие бы ветра ни бушевали, ни один не мог занести ее сюда...

Но никто больше не называл его Евгеном. Только Тайра. Его кармическая женщина.

Ляпин поднял глаза и тут же их зажмурил...

ОНА!

Перед ним Тайра. Стоит у забора, положив на него ладони и подбородок. Ногти выкрашены в алый цвет и хищно заточены. На губах яркая помада. Глаза, хоть и имеют грустный разрез, задорно посверкивают из-под густой челки. Она черная. Но в ней, как и в остальных волосах, синие пряди. Они идут ей.

– Евгений, это невежливо, закрывать глаза на девушку, которую звал замуж, – услышал он.

Ляпин разлепил веки.

– Привет! – Тайра помахала ему. – Где тут калитка? Я хочу войти. А, все, вижу... – И скрылась.

Она была очень мала ростом, и, чтобы заглянуть за забор, пришлось как минимум встать на носочки.

Женя познакомился с Тайрой через Лешу. Он вел страницу охотников за привидениями, и ему многие писали. Зачастую девушки, желающие познакомиться с необычными парнями. Хипстеры, вегетарианцы, качки, сноубордисты, рэперы... Это так обыденно! А вот охотники за привидениями – редкость. Особенно симпатичные.

Леха же был просто душкой, поэтому ему поступали предложения не только о сотрудничестве. Но Тайра на него никаких видов, как потом выяснилось, не имела. Хотела перекантоваться недельку, пока шли кастинги шоу экстрасенсов. Леха ей отказал. А Женя согласился девушку приютить. И даже встретить с вокзала. Она понравилась ему не внешне, а дерзостью своей.

Приехала Тайра из Воркуты. Вышла на перрон, и Женя обомлел. Вроде такая же, как на фото: мелкая, чернявая, узкоглазая, с носом-пуговкой... Но другая! Сногшибательная, что ли? Поражать мужчин длинными ногами, пышной грудью, манящим ртом – это одно. А ты попробуй влюбить в себя их с первого взгляда, когда ничего во внешности привлекательного нет, кроме разве что черных длинных волос.

Женя был деморализован. Он рассчитывал на дружбу, но никак не на любовь. Более того, он вообще не думал, что когда-то испытает это чувство. Брак допускал, но без бури эмоций, а скорее по договоренности.

Жил Ляпин в квартире дяди. Той самой, которая иногда наполнялась запахом лилий. И Тайра сразу его уловила. И на кресло с обивкой внимание обратила. У нее имелся какой-то дар. Но он был неразвит. И Женя сомневался в том, что

девушка пройдет кастинг на программу. Тем более он не верил в телешоу. Считал, что там снимаются, а уж тем более побеждают, только свои. Он говорил об этом Тайре, но она фыркала и называла себя финалисткой нового сезона.

Впервые они переспали, когда она вошла в основной состав участников. Влетела в квартиру, скинула с себя все, вплоть до исподнего и запрыгнула на Женю. Обвила, руками, ногами, впилась губами, обдала жаром своего лона и дыхания...

У Жени был секс до этого. И не разовый. С тремя разными девушками, с одной из которых он встречался аж четыре месяца. Он не мнил себя Казановой, более того, понимал, что для мужчины его возраста опыт небогатый, но... Имеющий место быть! Однако все прошлые объятия, поцелуи, телодвижения... Они были приятными, и только. С Тайрой же Женя как будто вылупился из яйца. Она пробила скорлупу его условной девственности.

Ляпин знал одного очень известного панк-рокера. Он трахался ежедневно со своими фанатками. Отдыхая от гастролей – с проститутками. Его член повидал сотни ртов и кисок, а поговаривали, и мужских попок, но, когда он встретил любовь всей своей жизни, он обнулится. И сообщил близким друзьям о том, что наконец стал мужчиной. Женя не понимал, о чем он, пока в его объятиях не оказалась Тайра.

Нет, она не баловала Евгения изысканными ласками. Более того, была не особо умелой любовницей. Но как с ней было хорошо!

Ляпин сделал ей предложение. Понимал, что его не поддержат два самых близких человека – мама и Леха. Оба скажут: рано, куда, вы еще мало знакомы! И зачем тебе эта чудачка? Мама напомнит, что барышня из Воркуты и Женя для нее лакомый кусочек, а Леша с ней согласится. Еще и добавит, что у нее, как и у всех, вдоль, а не поперек, а раз так, можно рассмотреть другие, более удобные варианты.

Но Тайра Жене отказала. Причем услышал он от нее ровно то, что в его воображении говорили мама и Леша. А через два месяца она его бросила. Съёмки передачи были в самом разгаре. Тайра шла к финалу. И могла бы выиграть, но... Ушла из шоу. И из жизни Жени. Уехала в Оман. Влюбилась в одного из участников, что был родом оттуда. Его выгнали, а Тайра последовала за ним. Перед Ляпиным извинилась, но скупно.

– За любовь прощения не просят, – сказала она, взвалив на плечо свой рюкзак. С ним она и приехала. Женя помнил, как стояла она на перроне, сгибаясь под его тяжестью. Такая маленькая, худенькая, с поджатыми от натуги губками. – А обещаний я тебе, Евгений, не давала. Так что... Не обессудь. Пока, удачи.

И покинула квартиру.

Женя, когда дверь за Тайрой закрылась, упал на диван и заплакал. Он давно этого не делал. Очень и очень. Со смерти дяди. Похныкивая, он смотрел на кресло, надеясь увидеть его. Но ничего... Даже запаха. Никто Женю не поддержал. Ни мертвые, ни живые. Сам пережил расставание. И уже думал, что ничего в нем не всколыхнется, даже если Тайра возникнет в его жизни снова...

Наверное, потому, что и мысли не допускал об этом.

И вот она тут!

В Калужской области.

Такая же черноволосая, тощая, узкоглазая, хищно накрашенная – считается, что женщинам с маленьким ртом и узкими губами алая помада не идет... Но только не Тайре. Она с таким макияжем похожа на какого-то языческого божка. А им как-никак поклонялись...

Калитка открылась. Во двор вошла Тайра.

– Чай? – спросила она, указав на ковш. Женя кивнул. – А у меня финики с собой. Ты знал, что пророк Мухаммед, когда странствовал по пустыне, насыщался всего семью?

– Как ты тут оказалась?

– Я привезла те, что растут исключительно в Саудовской Аравии. Как раз там, где обронил зернышко мессия. Нигде больше не приживаются.

Она выложила на стол пакет с финиками. Села напротив Жени. Улыбнулась.

- Рада тебя видеть. А можно и мне чаю?

- Как ты тут оказалась? - повысив тон, повторил свой вопрос Ляпин.

- Так же, как и ты. Была приглашена в качестве эксперта.

- Кем?

- Пименовым.

- Виталей?

- Нет, его отцом. - Она протянула руку, взяла ковш за ручку и сделала несколько глотков. - Какой тут вкусный чай, просто обалдеть. Давно такого не пила.

- Зачем ты пришла?

- Увидела тебя через забор, проходя по улице, решила поздороваться. Не совсем чужие все же...

- То есть ты не знала, что мы с Лехой тут?

- Понятия не имела. Кстати, где твой брат по разуму?

- Занят.

- Сражает деревенских матрон своим обаянием и познаниями в квантовой физике, а они его мудреные речи принимают за заклинания? - скривила свой тонкий, ярко накрашенный рот Тайра.

Она, узнав Леху лично, не уставала над ним насмехаться. И твердила постоянно, что, если бы знала, какой он «никакой», ни за что не написала бы ему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.me/ru/olga-volodarskaya/pervaya-zhizn-vtoraya-zhizn>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)